ЮРИЙ ШЕСТЁРА

МАНГАЗЕЯ

СИБИРСКИЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Юрий Шестёра

Мангазея

«ВЕЧЕ»
2017

Шестёра Ю. Ф.

Мангазея / Ю. Ф. Шестёра — «ВЕЧЕ», 2017 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-9239-0

Начало XVII века. Смута на Руси требовала дополнительных поступлений в государеву казну. Тобольский воевода князь Троекуров принимает решение послать из Мангазеи, только недавно основанного заполярного города на реке Таз, впадающей в Обскую губу, отряд из служилых людей для обложения ясаком лесных ненцев, населявших берега реки Турухан, левого притока Енисея.Однако это была лишь часть задачи. Необходимо было также создать опорный пункт для дальнейшего продвижения русских на восток. Им и стало построенное у впадения Турухана в Енисей Туруханское зимовье.

ISBN 978-5-4444-9239-0

© Шестёра Ю. Ф., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 29
Глава 3 42
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Юрий Шестёра
Мангазея

Пролог

Из-за добротно сработанного стола, отодвинув деревянное кресло с высокой спинкой, встал мужчина, одетый в полукафтан[1], поверх которого была надета ферязь[2] с короткими рукавами. Он неспешно, по-хозяйски подошел к окну, с наружной стороны обтянутое марлей, и распахнул его створки. Потянуло ветерком, слегка надув марлю, как парус.

– Слава Богу, хоть спала жара, а то дышать было нечем.

– Оберегаетесь от комаров, Роман Федорович? – подобострастно спросил мужчина, сидевший за столом напротив кресла хозяина просторной комнаты, служившей для приема посетителей. – Не зря, стало быть, наказали натянуть-то марлю на окошко?

– От них самых, батенька, – вздохнув, ответил тот. – Когда государь Борис Федорович Годунов повелел мне отправиться воеводою сюда, в Тобольск, я и понятия не имел о несметных ордах этих кровососов, отравляющих жизнь.

– Да, Роман Федорович, здесь, надо признаться, действительно далеко не то, что в Белокаменной, – ностальгически вздохнул посетитель. – Там-то гораздо поспособней было.

– Это уж так. Конечно, и в моей вотчине под Москвой были комары, но это, почитай, для радости, лишь как напоминание об отличии неспешной сельской жизни от суетности московской. Ведь для местных инородцев эти полчища комаров – привычное дело с младенчества, а вот для нас, выходцев из России, это настоящий бич. Слава Богу, что хоть спала эта несносная жара, а посему, может быть, исчезнет или хотя бы несколько уменьшится это наказание Господне.

Он истово перекрестился и неожиданно рассмеялся:

– На Руси считают, что Сибирь – это бесконечные снега да трескучие морозы. Вот бы их, русичей, да сюда, под палящее солнце без единого, самого малого дуновения ветерка! То-то бы заохали да заахали…

Рассмеялся и посетитель:

– Вам бы, Роман Федорович, да сочинения какие писать! Уж очень образно выражаетесь.

Воевода, изучающе глянув на посетителя, изрек:

– Сочинения сочинениями, а вот нам с тобой, Кузьма Прокопьевич, мирскими делами заняться надобно.

У того вмиг слетела с лица блаженная улыбка.

– Слушаю вас, Роман Федорович!

Тот неторопливо вернулся к столу и сел в кресло. Затем, поглаживая бороду, некоторое время молчал, видимо, собираясь с мыслями. И наконец изрек:

– Государственные расходы постоянно растут, и посему Приказ Казанского дворца[3] настоятельно требует от нас увеличить сбор ясака[4] с инородцев. Потому-то и требуется освоение новых территорий в Сибири для обложения ясаком племен туземцев, на них проживающих.

---

[1] Полукафтан – короткая верхняя распашная двубортная одежда; короткий кафтан.

[2] Ферязь – длинный мужской кафтан свободного покроя без воротника.

[3] Приказ Казанского дворца – центральный орган управления Сибирью с 1599 по 1637 год.

[4] Ясак – натуральная подать, которой облагались народности Сибири и Дальнего Востока, уплачиваемая обыкновенно натурой, главным образом пушниной (мягкой рухлядью, как ее называли на Руси).

– Слава Богу, Сибирь необъятна. Однако для присоединения к России новых ее земель потребуется знатное число служилых людей и немалое количество товаров, так как вам, Роман Федорович, конечно, известно, что сбор ясака с местных племен носит характер обмена, – озадаченно заметил посетитель.

– Я в курсе этого, Кузьма Прокопьевич. Тем не менее задача перед нами поставлена, и мы волей-неволей должны ее выполнять. Надеюсь, ты согласен с этим?

Тот с готовностью кивнул головой:

– А как же, Роман Федорович! Всенепременно!

– Тем более, – продолжил воевода, – что новый мангазейский воевода Давыд Васильевич Жеребцов, назначенный недавно вступившим на престол государем Василием Ивановичем Шуйским после убийства во время восстания москвичей Самозванца[5], прислал депешу. В коей и сообщает о том, что к востоку от Мангазеи по берегам реки Турухан, левого притока Енисея, живут зело многочисленные, но до сих пор необъясаченные племена так называемых лесных ненцев, а не тундровых, живущих в окрестностях Мангазеи. Хотя и тех и других чаще называют самоедами.

– Это почему же, Роман Федорович? – удивленно спросил стрелецкий голова.

– Честно говоря, точно и сам не знаю. Но уж, во всяком случае, не потому, что они как бы едят сами себя, – улыбнулся воевода. – Вполне может быть, что корни этого названия лежат в русском выражении: «Ну что ты самоедством занимаешься?»

– Странное все-таки название туземного народа. Не находите, Роман Федорович?

Тот усмехнулся:

– Есть, конечно, в этом названии что-то языческое, туземное. Однако не будем отвлекаться.

Стрелецкий голова извиняющимся взглядом посмотрел на воеводу, а тот продолжил:

– Мангазейский воевода пишет, что якобы некие промышленные люди уже побывали в тех местах, так что путь туда вроде бы как проложен. А посему он испрашивает у меня разрешения на организацию похода отряда в те земли. Правда, при этом просит прислать некое число служилых людей, обещая снабдить отряд как огневыми припасами и пропитанием, так и товарами для обмена их на мягкую рухлядь из своих запасов.

– Весьма заманчивое предложение, – оживился посетитель, заинтересованно глянув на воеводу.

– Я тоже так считаю, – заметил воевода. – Дело-то и вправду очень даже стоящее. – И продолжил: – А посему тебе, Кузьма Прокопьевич, как стрелецкому голове надобно подобрать вдумчивого и расторопного человека, которому подчиним десяток служилых людей и немедля отправим их на коче[6] в Мангазею с тем, чтобы по следующей весне отправить оттуда отряд к Турухану уже, сам понимаешь, по воде. Ведь на лошадях жители Мангазеи передвигаются только по городу, ибо за пределами городских стен лежит непроходимая болотистая тундра, а, как тебе ведомо, по глубокому сибирскому снегу на них тоже не пройдешь. В то же время, как понимаешь, на лыжах многой клади не утащишь.

---

[5] Лжедмитрий I – самозванец, выдававший себя за русского царевича Дмитрия Ивановича, занимавший трон в 1605–1606. Беглый дьякон Чудова монастыря (в Москве) Григорий Отрепьев. Появился в 1601 в Польше и был поддержан польскими магнатами и католическим духовенством. Осенью 1604 перешел с польско-литовским отрядом русскую границу и был поддержан донскими и запорожскими казаками и крестьянами южных районов. Укрепился на юге страны (в Путивле). После внезапной смерти Бориса Годунова его армия под Кромами перешла на сторону Лжедмитрия I. 1 янв. 1605 в Москве произошло народное восстание, и власть Годуновых была свергнута. 20 июня 1605 Л. I вступил в Москву и занял царский престол. Кризис внутренней и внешней политики, проводимой Л. I, создал условия для организации заговора знати во главе с князем Василием Ивановичем Шуйским. Во время восстания горожан против поляков, прибывших на свадебные торжества Л. I и Марии Мнишек, Самозванец был убит заговорщиками.

[6] Коч – мореходное парусное судно северных и сибирских промышленников. Деревянное, одномачтовое, однопалубное, парусно-гребное судно XI–XVIII веков.

Тот согласно кивнул головой, однако засомневался:

– А не маловато ли будет людей, Роман Федорович, для такого похода в почти неведомые земли? Ведь инородцы могут оказать и сопротивление при попытке подчинить их, обложив ясаком.

Воевода усмехнулся:

– Необходимую численность отряда, как я полагаю, определит мангазейский воевода на месте, ибо у него, пожалуй, будет поболее, чем у нас с тобой, сведений о проживающих в тех землях племенах туземцев. И посему он в случае необходимости присовокупит к нему своих стрельцов в достаточном числе, о чем я ему и отпишу.

– Тогда совсем другое дело! – облегченно воскликнул, откинувшись на спинку кресла, стрелецкий голова, многоопытный знаток воинского дела, закаленный в битвах с супостатами.

– И сколько же тебе, Кузьма Прокопьевич, потребуется времени для поиска нужного человека?

Тот плутовато улыбнулся:

– Да вообще-то, Роман Федорович, такой человек у меня на примете уже имеется.

– Так в чем же тогда дело?! – строго спросил воевода, нахмурив брови, недовольный неискренностью, как показалось ему, стрелецкого головы.

– Да в том, Роман Федорович, – поспешно ответил тот, убоявшись княжеского гнева, – что надо будет загодя переговорить с этим человеком о предстоящем деле, да и подобрать с ним поименно десяток служилых людей для будущего отряда, которые и составят его основу.

Воевода смягчился:

– Ладно. Завтра же к вечеру доложишь мне о результатах переговоров с этим человеком. Кстати, кто он таков?

– Афанасий Ляпунов, десятник[7].

– Всего-то? – недоуменно посмотрел тот на него. – Неужто у тебя в гарнизоне мало сотников[8] или уж, на крайний случай, пятидесятников[9]?

– Ляпунов – сын боярский[10], – поспешил уточнить стрелецкий голова, испуганно глянув на воеводу. – Кроме того, это вдумчивый и достаточно образованный командир, неоднократно проверенный в деле, который, надеюсь, будет достойным начальником отряда.

– Тогда другое дело, – удовлетворенно изрек тот. – Из казаков или стрельцов будет?

– Из казаков, – пояснил стрелецкий голова, чрезвычайно довольный тем, что гроза вроде бы как миновала.

– Это хорошо. Казаки – верные государевы слуги, не раз проверенные на деле, – и помрачнел. – Хотя в войске Самозванца, как стало известно мне, было много казаков как запорожских, так и донских. Ну да ладно, к сибирским казакам это никакого отношения не имеет, – заметил он. – Один только поход Ермака в Сибирь с дружиной из казаков чего стоит. – И уточнил: – Надеюсь, и остальные десять человек тоже будут из казаков?

– Непременно, Роман Федорович! – заверил тот.

Воевода удовлетворенно кивнул головой:

– Тогда согласуй этот вопрос с казачьим головой Стародубовым, а десятника этого пришли ко мне. Хочу сам хорошенько приглядеться к нему, прежде чем посылать во главе похода. Да и в случае, ежели он мне и впрямь приглянется, дать ему необходимые наставления надобно.

---

[7] Десятник – низший начальный человек у служилых людей Московского государства, имевших сотенную организацию, т. е. у казаков и стрельцов.

[8] Сотник – командир подразделения (сотни) в русском войске.

[9] Пятидесятник – воинское звание, существовавшее в стрелецких и казачьих войсках. По статусу был выше десятника и ниже сотника.

[10] Дети (или сыны) боярские – в Русском государстве XV–XVII вв. служилые люди низшего начальствующего разряда. В начале XVIII в. слились с дворянством.

И задумался.

– Имей в виду, – продолжил он, – что я придаю очень и даже очень большое значение этому предстоящему походу на восток. Сибирь, как правильно отметил ты, необъятна, и предстоят еще многие и многие походы по ее окончательному завоеванию, дабы продолжить дело, начатое Ермаком Тимофеевичем, благодаря трудам которого, кстати, мы с тобой и беседуем здесь, в Тобольске, на берегу Иртыша. И этот предстоящий поход будет как бы первой ласточкой, возвещающей начало продвижения русских далее на восток, так сказать, встречь солнцу.

Потому-то, Кузьма Прокопьевич, и пекусь о нем да призываю Господа благословить его. Ведь не зря же понесем мы его веру в самые что ни на есть дальние земли.

И истово перекрестился.

Стрелецкий голова, также осенив себя широким крестом, с просветленным взглядом слушал воеводу, предвещавшего завоевание русскими Сибири аж до самого неведомого моря на восход солнца. Было от чего забиться сердцу бывалого воина…

* * *

Афанасий Ляпунов, рекомендованный стрелецким головой воеводе в качестве начальника отряда для похода на Турухан, вышел после встречи с тем в приподнятом, даже, можно сказать, восторженном, настроении.

«Но как же все-таки так получилось, – размышлял он, – что именно меня воевода назначил начальником отряда? Ведь в гарнизоне Тобольска десятки пятидесятников и сотников, да и есаулы есть, а воевода почему-то доверил командовать походом из Мангазеи на Турухан именно мне, всего-навсего десятнику? Правда, не зря же он почему-то поинтересовался, каким это образом и за какие такие заслуги я стал сыном боярским, – и, махнув рукой, решил: – Начальству виднее…»

А душа его прямо-таки пела. Еще бы! Ведь он одним из первых поведет отряд русских уже, почитай, от Оби на восток, к Енисею. А уже за ним непременно пойдут и другие отряды в неведомые сибирские земли расширять пределы Московской Руси до самого Восточного моря. Ведь именно об этом и говорил воевода, напутствуя его в поход на Турухан.

Он привычным движением поправил саблю у пояса и расправил плечи. Нет, он не подведет тобольского воеводу, главного над всеми воеводами городов Сибири. Он был твердо уверен в этом.

А затем все-таки не выдержал и вынул из кармана диковину, подаренную ему воеводой. И с нескрываемым удовольствием вспомнил, как перед его уходом тот достал из ящичка стола какую-то вещицу, похожую на яйцо, прикрепленное к витой серебряной цепочке.

– Это карманные часы, носимые при себе и получившие название «нюрнбергские яйца». Их только что стал изготавливать нюрнбергский механик Петер Генлейн. И когда государь Борис Федорович Годунов повелел мне отправиться воеводою сюда, в Тобольск, то одарил меня несколькими такими часами, приобретенными по случаю одним из его вельмож в Баварии, в городе Нюрнберге. А теперь я дарю тебе одно из этих чудесных произведений человеческой мысли в качестве аванса за твои будущие заслуги.

И протянул их десятнику.

– Но ведь это же очень дорогой подарок, Роман Федорович! – растеряно произнес Афанасий, завороженно глядя на это чудо. – И не только для меня, десятника, но и для любого человека с гораздо более высоким положением здесь, в Тобольске, – пояснил он.

– Ты, конечно, прав, Афанасий, – согласился тот. – Однако он, этот самый подарок, себя полностью оправдает, если тебе удастся, в чем я ничуть не сомневаюсь, – подчеркнул он, – обложить ясаком лесных ненцев, населяющих берега реки Турухан. Кроме того, эти часы,

поверь мне, очень пригодятся тебе в предстоящем походе. К примеру, хотя бы для того, чтобы составить чертеж пути, пройденного твоим отрядом

– Это, конечно, так, но все-таки… – неопределенно произнес тот, принимая у воеводы ручные часы.

– Никаких «все-таки»! Следуй народной мудрости: «Дают – бери, бьют – беги», – усмехнулся воевода. – И не забывай раз в сутки подзаводить пружину. – Он показал, как это делается. – Ибо сверить истинное время в походе, ежели часы вдруг остановятся, у тебя, поверь, не будет никакой возможности. И еще – старайся резко не встряхивать их либо тем более не ронять. У них, к сожалению, пока еще очень хрупкий механизм.

– Как раз в условиях похода… – вырвалось у Афанасия, и он с испугом посмотрел на воеводу, тут же с раскаянием уяснив всю бестактность своего замечания.

Тот же только усмехнулся:

– У тебя вроде бы голова в порядке и не зря же на плечи посажена, так что и соображай ею…

– Понял, Роман Федорович! – смущенно произнес Афанасий.

Затем посмотрел на широкий Иртыш, несущий свои воды в полноводную Обь и далее, до самого Студеного моря[11]. «Скоро осень. Надо бы поторопиться – путь до Мангазеи не так уж и близок, где-то около двух тысяч верст. А там, на месте, и решим с местным воеводой все вопросы по подготовке к походу», – подумал он.

И решительно направился к пристани, чтобы познакомиться с кормчим[12] коча, на котором вскоре пойдет в плавание со своей командой казаков в Мангазею почти за две тысячи верст.

[11] Студеное море – поморское название Северного Ледовитого океана.

[12] Кормчий – человек, стоящий у руля. Значение слова «кормчий» включает не только управление рулем (выдерживание курса), но и управление судном вообще.

Глава 1
В Мангазее

От пристани Тобольска на веслах отвалил коч и медленно стал выходить на стрежень Иртыша, чтобы спуститься по его течению до полноводной Оби, а затем и до ее устья.

На подходах к Мангазее

– Ну что, Афанасий, вот и подошло время ворочать вправо. Вишь, как широка Тазова губа, почитай, почти как Обская, верст двадцати, никак, будет. Не зря же ее вкупе с Обской губой и Мангазейским морем прозывают, – озабочено сказал кормчий, удерживая руками водило руля. – Ведь и по Иртышу, и по Оби-реке плыли по течению, а теперича придется волей-неволей идти вспять течению уже Таза-реки, – вздохнул он. – Одна надежа на ветер, который хоть и несильный, но вроде как тянет от захода солнца.

– Почему так думаешь, Тихон? – с недоверием, но с надеждой, спросил тот.

Кормчий снисходительно усмехнулся:

– А ты, сухопутный человек, глянь-ка на поверхность воды Тазовой губы. Видишь рябь на ее поверхности? – Афанасий утвердительно кивнул головой. – Ведь Таз-река-то течет с восхода солнца, а ветер противится ее течению, вызывая тем самым эту самую рябь. Вот так-то, мил человек! – победоносно глянул на него кормчий.

– Сразу видно, что ты, Тихон, опытный мореход! – уважительно заметил Афанасий.

– Ты прав, – самодовольно ответил тот. – Я ведь плавал не только по рекам к городам сибирским, но и ходил Мангазейским морским ходом, издревле известным поморам. На своем коче четыре лета тому назад вез из Архангельска-города всякие немецкие товары и хлеб, потому как в мангазейской мерзлой земле оный не родится. В Карскую губу от Двины-реки шел две недели. А из Карской губы в Мутную реку вверх до волока на Ямале шел еще пять дней. Здесь пришлось коч волоком тащить версты полторы. А от верховьев Зеленой реки до Мангазеи ходу еще две недели.

Афанасий окинул взглядом коч длиной около шести саженей[13] и шириной где-то не менее двух с половиной.

– И вот эту махину нужно тащить по земле? – ужаснулся он.

– Почему же это по земле? Тащить, вернее, тянуть коч надо по каткам, по не очень толстым обрубкам стволов деревьев, – пояснил Тихон, – которые после прохождения их кормой снова подкладывают под нос судна. А для облегчения строят ворот, для чего пешнями долбят вечную мерзлоту почти на сажень. Навивают на него длинную и крепкую вервь, то бишь канат, конец которой крепят к носу коча, и, вращая этот ворот за рукояти, вспомогают артельщикам тащить его. И тем не менее должен сказать тебе, что работа эта аховая. Пот заливает глаза, плечи гудят и ноют от канатов, перекинутых через них, а полчища треклятого гнуса[14] едят поедом. Махнешь при случае ладонью по лицу, и она становится красной от крови. Причем, заметь, твоей же, – рассмеялся он. – Однако эта работа артельная, милая сердцу русского человека. К тому же должен заметить, что сейчас мы плывем на малом речном коче, а вот кочи, пригодные для морского хода, будут, почитай, раза в полтора поболее.

– О Господи! – только и смог произнести Афанасий, подавленный рассказом кормщика.

А тот снова усмехнулся:

---

[13] Сажень – русская мера длины, равная трем аршинам (2,13 м).

[14] Гнус – мелкое летающее насекомое, мошкара, а также, в старину, всякое существо, наносящее вред.

– Вот так-то вот, мил человек! – а затем, как бы невзначай, заметил: – Ты, как я слышал краем уха, собираешься вроде как с отрядом в поход из Мангазеи на Турухан-реку?

Теперь усмехнулся уже Афанасий:

– Сорока эту новость на хвосте принесла?

– Да вроде того, – не стал лукавить Тихон.

– Стало быть, сорока права, – ничуть не удивился тот осведомленности кормщика: ведь об этом только еще готовящемся походе знало уже с дюжину человек, а Тобольск-то по своим размерам далеко не Москва.

– Тогда и тебе придется хлебнуть лиха из этой же чаши. Хотя, думаю, туда вы пойдете на дощаниках[15], ибо даже на малом коче негоже идти в неведомые земли.

– Это почему же? – заинтересованно спросил Афанасий, сразу же забыв о досаде.

Тот смерил его удивленным взглядом, явно озадаченный непонятливостью предводителя казаков, а затем пояснил:

– Волок на Ямале с давних пор был известен поморским мореходам, да к тому же он почти ровный и не такой уж и длинный. А вот что ждет тебя на волоке между Тазом-рекою и Туруханом – одному Господу Богу известно, – и истово перекрестился. – А если он, не дай Бог, будет, пускай хоть и немного, в гору да длиной в несколько верст? Как вы тогда сможете перетащить через него коч, пусть даже и малый? А вот дощаники вам будут в самый раз, потому как у них, заметь, дно-то ровное, хотя и с ними придется изрядно попотеть. А теперь сам смекай, что к чему…

Афанасий ненадолго задумался, осмысливая слова опытного кормщика, а затем благодарно посмотрел на него:

– Спасибо тебе, Тихон, за мудрые твои слова! Ты, безусловно, прав, – согласился он, – на Турухан надо идти именно на дощаниках.

Тот улыбнулся:

– Не за что, казак! Того ли еще тебе придется хлебнуть в походе в неведомые земли…

– Как говорится, будем живы – не помрем!

– И то верно, – согласился кормщик, глянув направо, в сторону Тазовой губы. – А теперь, пожалуй, пора, – уже по-деловому изрек он и налег на водило руля.

Коч, как бы нехотя, стал поворачивать вправо.

– Убрать весла! – скомандовал кормщик и, когда длинные весла были положены вдоль борта, подал новую команду:

– Ставь парус!

Тот, поднятый на мачту, сразу же, выгнувшись, наполнился ветром, и коч заметно быстрее побежал по поверхности уже Тазовой губы. Тихон удовлетворенно погладил небольшую бороду правой рукой, удерживая водило руля левой.

– Теперича до Мангазеи осталось всего двести верст, – пояснил он. – И с парусным погодьем дойдем до нее в два дня. Благо что солнце в это время здесь не заходит вовсе, а лишь чиркнет своим краем по горизонту и снова подымается ввысь. А вот своею силою, на веслах, пришлось бы топать дней десять, никак не менее, – вздохнул кормчий. – Однако заметь, что ветер-то хоть не такой уж и сильный, а дует с кормы чуть левее, и это нам-то как раз и с руки будет.

Афанасий вопросительно посмотрел на него.

– Когда войдем в Таз-реку, ее течение станет уже сильным, особливо на стрежне. И через некоторое время, когда она чуток подвернет вправо, ветер-то и станет как раз попутным, то бишь пособным для нашего плавания, – пояснил Тихон.

---

[15] Дощаник – плоскодонное несамоходное деревянное речное судно небольшого размера с палубой (или полупалубой) и одной мачтой, использовавшееся главным образом для транспортных целей на большинстве рек России.

– Дай-то Бог!

– На Бога надейся, да сам не плошай! – улыбнулся тот. – Не боись, казак, теперича уж точно скоро будем в Мангазее.

Афанасий огляделся. Берег по левую руку был не виден, поэтому он с интересом вглядывался в недалекий низкий берег по правую руку, покрытый серо-зелеными мхами и сверкающий небольшими озерцами. Иногда появлялись кусты тальника, подступившие к самой воде, да нет-нет и забелеют на буграх редкие березняки с низкорослыми деревцами. А над кочем кружили крикливые сизые чайки.

– Каюхи поджидают съестных отходов, – усмехнулся Тихон, глянув вверх, куда же смотрел и предводитель казаков. – А вот там до самого горизонта – тундра непроходимая, – пояснил он, поведя рукой вправо. – Оленье царство…

– Неужто она так и тянется до самой Мангазеи? – засомневался было Афанасий.

Кормщик утвердительно кивнул головой и заметил:

– Небось сам увидишь.

Тот, однако, с сомнением покачал головой: двести верст – и все тундра? И вдруг заметил у берега кустик, торчащий из воды, который вроде бы как зашевелился.

– Тихон, а Тихон, что это там такое шевелится? – заинтересованно спросил он.

– Где?

– Да вон там, – показал Афанасий рукой на берег. – Видишь одинокий куст, торчащий из воды?

Кормчий глянул в указанном направлении своими зоркими глазами и задорно рассмеялся:

– Да это же не куст, а оленьи рога, мил человек!

– К чему бы это? – озадаченно спросил тот, боясь поверить своим глазам: рядом с этим «кустом» он различил теперь и олений нос с широкими ноздрями у самой кромки воды.

Тихон, доверительно положив руку на его плечо и продолжая еще вздрагивать от смеха, пояснил:

– Да это же олешка спасается от гнуса!

И действительно, когда они проплывали уже совсем рядом, Афанасий заметил множество комаров и прочей летучей нечисти, вьющихся у носа оленя. Тот же время от времени резко окунал его в воду, смывая ненавистных тварей.

– А вот к вечеру, когда станет попрохладнее и потянет ветерок, который разгонит полчища гнуса, олешка выйдет из воды и пойдет на кормежку, – пояснил Тихон. – Это здесь, на реке, дует ветерок и разгоняет этих тварей, а вот на берегу спасу от них никакого нет, – добавил он, видя сомнение на лице спутника.

«Каждый спасается от нашествия комаров, как может», – подумал Афанасий, вспомнив о марле, натянутой с внешней стороны на окне тобольского воеводы.

– А теперь нужен глаз да глаз! – озабоченно сказал кормчий, высматривая что-то впереди по курсу коча.

– В чем дело, Тихон? – обеспокоенно спросил Афанасий.

– Подходим к впадению Таза-реки в губу, – пояснил кормчий, – а та впадает в нее несколькими рукавами. Да все бы ничего, если бы не мелководный бар[16] в ее устье. А сейчас-то ведь самый конец лета, и посему у реки самый низкий уровень воды. И хотя мы плывем не на большом коче, с его соответственно и большей осадкой, все равно нужно держать ухо востро́.

Волнение кормчего передалось и Афанасию.

[16] Бар – песчаная подводная гряда или подводный вал, которые образуются на некотором расстоянии от устья реки под действием волн и течения.

– Это не очень опасно, Тихон?

Тот же хитровато улыбнулся:

– Не боись, казак, введем коч в Таз-реку в лучшем виде! Чай, не впервой… А вот смотреть-то надо в оба – мореходное дело требует обстоятельности, а не только лихого наскока да надежды на удачу.

Афанасий уже видел многочисленные рукава реки, впадающей в Тазовую губу, по которой они подходили к ее устью. «В каждом деле своя наука, – рассуждал он. – А бесценный опыт, без которого никак нельзя в любом деле?» – еще раз убедился он и с уважением посмотрел на кормчего, уверенно вводившего судно в устье Таза-реки.

Когда же вдали показалась вершина башни в виде шатра, команда коча и казаки выбежали на палубу, теснясь в носовой части коча, где не мешал смотреть вдаль большой парус. Все оживленно переговаривались, показывая руками на чуть видную вершину башни. Еще бы! Заканчивалось плавание от самого Тобольска, столицы Сибири. И если для артельщиков это было просто очередным приходом в один из немногочисленных сибирских городов, где можно было отдохнуть, а если уж получится, то как-то и развлечься, то для казаков это окончание плавания было началом подготовки к походу в неведомые восточные земли.

– Что это там засуетились людишки? Неужто Мангазею углядели? А то мне тут из-за паруса вдаль-то ни черта не видно, – заинтересованно спросил кормщик, стоявший на корме коча у рулевого весла, когда к нему подошел Афанасий. – Хотя, судя по берегу, до нее еще никак не менее двадцати верст будет.

– И как же ты определил это расстояние? – засомневался он. – Вроде как все тот же однообразный берег…

– Э нет! Глянь-ка по левую руку. Видишь, перед стеной темной тайги небольшой мысок вдается в реку? – Тот утвердительно кивнул головой. – А на нем березку белую одиноко растущую?

– Ну…

– Так вот отсель как раз двадцать верст до Мангазеи-то и будет, – торжествующе посмотрел на него кормщик.

– Ну и дела… – Афанасий с уважением посмотрел на Тихона, а затем спросил: – И эта самая тайга будет тянуться до самой Мангазеи в отличие от противоположного берега, покрытого тундрой?

– Это так, – подтвердил тот и укоризненно посмотрел на Афанасия: – А вот что за суета на носу коча, ты же мне так и не ответил.

– Извини, Тихон! Впереди показалась вершина какой-то башни.

– Оно и понятно – детинец-то[17] с башнями в Мангазее только недавно, видать, начали воздвигать. Стало быть, высока эта башня-то, ежели ее отсюдова видать, – уважительно покачал тот головой. – Я-то в Мангазее, почитай, почти более года как не был, все более до Тюмени да Сургута, а то и до самого Томска из Тобольска хаживал, – и, помолчав, продолжил: – Быстро, однако, обживается земля Сибирская. Да оно ведь и понятно – прибыток-то государевой казне какой она приносит от торговли мягкой рухлядью!

И хитровато посмотрел на Афанасия:

– В Мангазее и сам убедишься в этом. Не зря же ее зовут «златокипящей». Да то ли еще будет! Ведь и тебя-то в поход на Турухан-реку не зря же посылают. Будешь объясачивать многие племена туземцев, по ней живущие, еще более приумножая государев прибыток. Вот так-то, мил человек. Соображать надобно!

[17] Детинец – одно из названий внутренней городской крепости, близко по значению к слову «кремль».

Афанасий только улыбался про себя, слушая рассуждения кормщика. Ведь после посещения тобольского воеводы и его наставлений ему и так все было предельно ясным.

Город

При подходе к Мангазее по левую руку открылось устье какой-то речушки.

– Ратиловка, – пояснил Тихон и при виде пестро-черных коров, пасущихся на лужке подле нее, расплылся в улыбке: – Наши, холмогорские… Ведь вроде бы и совсем недавно привезли из Холмогор лишь нескольких, а теперича глянь – почитай, целое стадо.

И конечно, любовались детинцем, стоявшим на высоком правом берегу реки с высокими деревянными стенами и башнями по углам. Из-за стены, обращенной к реке, поблескивали окна второго этажа какого-то здания.

– Надо же! – удивленно воскликнул кормщик. – За каких-то два коротких полярных лета какую крепость отгрохали! – и удовлетворенно покачал головой.

Тихон приказал убрать парус и на веслах подвел коч к пристани, находившейся за детинцем напротив посада[18], у которой стояли еще два больших коча и несколько дощаников.

Справа, как и предрекал Тихон, насколько хватало глаз, проплывали бесчисленные безмолвные болота, окруженные низкими кустами тальника. «Бесконечная тундра…» – отметил для себя Афанасий.

Пристань была заполнена сбежавшимся народом – приход сюда судна всегда был событием в этом Богом забытом городе.

– Откуда прибыли, мореходы? – раздавались голоса.

– Из Тобольска.

– А с чем пришли, люди добрые?

– Привезли муку и зерно, – отвечали с коча.

– Спасибочко! Это как раз то, что нам и надобно! Сахар и чай намедни привезли гости[19] из города Архангельска, а вот с хлебом у нас завсегда было туговато…

Когда с коча спустили сходни, на него не спеша, с видимым чувством своей значимости, поднялся человек в бархатном кафтане.

– Дьяк съезжей избы[20] Иван Бастрыкин, – с достоинством изрек он.

Афанасий сделал шаг вперед и представился:

– Десятник Афанасий Ляпунов. Мне надобно передать воеводе Мангазеи грамоту от тобольского воеводы князя Троекурова.

Дьяк уважительно, опытным взглядом человека, знающего, что к чему, глянул на свиток[21], который держал в руке Афанасий.

– Хорошо, я передам.

– Приказано лично.

Дьяк несколько разочарованно глянул на казака, сожалея, что сорвалась возможность лично угодить воеводе, так как, по его мнению, в грамоте тобольского воеводы содержались какие-то важные сведения. Тем не менее крикнул в сторону толпы на пристани:

– Макар, проводи десятника на воеводский двор, а то стрельцы у ворот проходной башни пока еще не знают его.

---

[18] Посад – в Древней Руси: торгово-промышленная часть города, обычно вне городской стены.

[19] Гости – купцы.

[20] Съезжая изба – в России XVII века канцелярия воеводы, куда съезжались служилые люди уезда на смотры и перед походами.

[21] Свиток – длинный лист писчего материала, сматываемый для хранения в рулон. На таком листе писали поперек его длины.

Афанасий повернулся в сторону кормчего:

– Прощай, Тихон!

– Мир тесен, Афанасий, и еще, чай, встретимся. И успехов тебе в твоих многотрудных начинаниях. Будь здоров!

И они крепко пожали друг другу руки.

Афанасий вслед за Макаром, который, как понял он, был одним из служителей съезжей избы, поднялся наверх по извилистой дороге, проложенной наискосок по крутому обрыву, и с интересом огляделся.

Прямо перед ним раскинулся посад.

– А домов-то в посаде, однако, много… – как бы про себя сказал Афанасий.

– А как же! – тут же услужливо откликнулся Макар, признавший в Афанасии важную особу. Ведь, рассудил он, абы кого к самому воеводе-то не допустят, да еще и со свитком, опечатанным печатью тобольского воеводы. – Людишки-то ведь из Архангельска-города, Холмогор и других мест по берегу Студеного моря все прибывают и прибывают с караванами купеческими. Потому как жизнь здесь все-таки посвободней, да и прибыльней будет, – пояснил он, – хоть и избы тут ставить не очень-то с руки.

– Это почему же?

– Мерзлота… – вздохнул Макар. – Копнешь землю чуток, а дальше не моги – тверда как камень, даже и посередь лета. Потому-то на мерзлоту эту надобно будет положить слой замороженной щепы, прикрытой сверху листами бересты, и уже на нее сруб ставить.

– Это еще зачем?

– А чтоб мерзлота под избой не отогревалась. Особливо зимой, когда печи топятся. Иначе домишко-то и перекосить может. – И лукаво добавил: – А кому, спрашивается, нужен дом с перекосом?

Афанасий понимающе кивнул головой.

– А посад-то делится на две части: торговую и ремесленную, и между постройками уже появились три неширокие улицы, мощенные сосновыми досками судовой обшивки, а также и переулки имеются.

– Откуда это же взялись эти доски, как ты сказал, «судовой обшивки»? – заинтересованно спросил Афанасий.

– Да с разбитых бурями кочей, а то и с плотбища[22], которое находится вон там, за пристанью, – показал тот рукой.

– И велико ли это самое плотбище?

– Да нет, не очень. И строят-то на нем не кочи, а лишь одни дощаники по разной надобности.

«Это очень даже кстати!» – обрадовался Афанасий, вспомнив разговор с Тихоном на коче.

А Макар тем временем продолжил:

– Главной частью, если так можно сказать, – он неуверенно глянул на десятника: «Понятно ли говорю?» – торговой половины посада является большой двухэтажный гостиный двор в виде буквы «Е» и государевы житницы[23], построенные еще при воеводе Федоре Юрьевиче Булгакове, которого с весны этого года сменил Давыд Васильевич Жеребцов. Ведь гостей, да, заметь, и не только наших, но и заморских, становится все больше и больше, особливо из Архангельска-города. Рядом же вокруг них теснятся многие купеческие дома.

А вон там, в глубине, за избами посада, виднеется церковь Успения Божьей Матери.

---

[22] Плотбище – речная верфь.

[23] Государевы житницы – склады.

И он перекрестился на ее маковки. То же сделал и Афанасий.

– В ремесленной же половине тоже множество жилых домов да есть еще и литейные мастерские да кузни. Мастеровой люд там живет, – уточнил он.

Афанасий еще раз оглядел многочисленные постройки. Справа, за посадом, виднелась неширокая речка.

– Мангазейкой прозывается, – подсказал Макар, следивший за взглядом своего спутника.

– Спасибо, Макар, за твой рассказ о посаде. А меня, между прочим, Афанасием зовут.

– Так что же, мне так к вам и обращаться соизволите? – неуверенно спросил тот.

– Именно так, Макар, – подтвердил Афанасий, усмехнувшись страхам служителя.

Тот же только покачал головой, в душе радуясь этому дозволению знатного, видать, человека из самого Тобольска.

Слева, с запада, возвышалась высокая стена детинца, срубленная из толстых бревен, с тремя прямоугольными башнями, средняя из которых была выше двух других. «Совсем недавно поставлена крепость, – отметил Афанасий. – Бревна даже не успели еще и потемнеть. Стало быть, прав был кормщик Тихон».

Подошли, переговариваясь, к средней, проезжей, башне с тремя бойницами.

– Спасская башня, – пояснил Макар. – Слева будет Зубцовская, а справа – Успенская.

Афанасий был восхищен мощью стены и башен. «Да, взять такую крепость с боя, пожалуй, невозможно, – вынес он свой вердикт. – И это на самом что ни на есть краю земли Русской! – с гордостью подумал он, а затем резко повернулся лицом на восток. – И мне с отрядом предстоит отодвинуть этот край еще далее к востоку!» От этой мысли, неожиданно пришедшей ему на ум, он уже совсем по-другому увидел цель предстоящего похода, и у него что-то приятно защемило в груди, а на глазах навернулись непрошеные, но счастливые слезы. Переждав, когда они высохнут – не вытирать же их при Макаре, на самом деле, который, как он понял, признал в нем важную особу, выдавая свою минутную слабость! – повернулся и решительно направился к входным воротам в детинец.

В воротах стояли два стрельца в красных суконных кафтанах и шапках с меховым околышем, с бердышами[24] и саблями. «Охрана детинца», – понял Афанасий.

– Казацкий десятник к воеводе! – громко сказал Макар, и стрельцы расступились, пропуская незнакомца, за которым с интересом наблюдали еще издали.

Войдя в детинец, Афанасий был еще раз приятно поражен мощью его стен, по которым прохаживались стрельцы с бердышами на плечах, и прямоугольных башен. И еще раз убедился в правильности своего предположения об их неприступности.

Макар был тут как тут.

– Вот только не успели еще поверх крепостных стен поставить крыши, покрытые дранкой, дабы ни снег, ни дождь не падали на головы караульных стрельцов. Да и соорудить перильца, которые не дали бы им по неосторожности свалиться с трехсаженной вышины.

И продолжил:

– Вон там, справа, видна Ратиловская башня, как видите, самая низкая из всех, а слева – самая могучая, Давыдовская. – «Вот ее-то мы первой и увидели еще издали при подходе коча к Мангазее», – решил Афанасий. – Посередине у правой стены, видите, еще чуток недостроенной, – отметил Макар, – заложено основание соборной Троицкой церкви. Слева же находятся стрелецкие сторожки и съезжая изба. А в самом дальнем левом углу высится воеводский двор в два этажа с двумя крыльями. Да разве его с другими постройками-то спутаешь! – с гордостью изрек он. – Настоящий дворец! А вон за той, самой высокой крепостной стеной, что стоит прямо перед нами, протекает речка Ратиловка.

[24] Бердыш – одно из древнейших рукопашных оружий – широкий на длинном древке топор в виде полумесяца.

– Стало быть, по ее названию и поименовали правую башню? – предположил Афанасий.

– Стало быть, так, – согласился Макар.

Переговариваясь, подошли к массивной высокой ограде из полуторасаженных бревен с заостренными верхними концами, за которой возвышался воеводский двор с двумя крыльями – западным и восточным. «Оборонительная крепость внутри крепости», – оценил ее значение Афанасий.

– Вам к какому из воевод: к Жеребцову или к Давыдову? – спросил Макар.

«Так и не решился, однако, называть меня по имени, хотя, как мне кажется, чином будет и не ниже моего, – усмехнулся про себя Афанасий. – Вот что значит лишь одно упоминание имени тобольского воеводы!» А вслух озадаченно спросил:

– А их что, разве двое?

– Да, вроде бы так. Хотя Давыдов – письменный голова[25] и посему является как бы товарищем[26] воеводы, заменяя того при поездках по делам за пределы Мангазеи.

– В соответствии с грамотой тобольского воеводы – к Жеребцову, – пояснил десятник.

Макар понимающе кивнул головой.

– Тогда вам в левое от нас крыло, где тот и размещается вместе со своей челядью. А теперича разрешите откланяться, – сказал он, опасливо глянув на дворец. – Там мне делать уже нечего.

– Спасибо, Макар, за помощь! Надеюсь, еще встретимся.

– Обязательно! Кстати, а вы надолго к нам?

Афанасий улыбнулся, понимая любопытство служителя съезжей избы: уж такая у него работа. Ведь дьяк, его начальник, непременно спросит его об этом, и ударить лицом в грязь перед ним он не имел права.

– Как решит воевода Жеребцов, – уклончиво ответил он и решительно направился к высокой, добротно сколоченной калитке.

У воеводы

Калитка оказалась открытой. Но не успел Афанасий подойти к высокому крытому крыльцу в левом крыле дворца, как дверь открылась и в ней показался человек, одетый в полукафтан, вопросительно смотревший на незнакомого человека. «Наверное, дворецкий[27], который, надо полагать, еще издали наблюдал за мной», – предположил он и, поднявшись на крыльцо по лестнице с резными балясинами[28], представился:

– Десятник Афанасий Ляпунов. Мне надобно передать вашему воеводе грамоту от воеводы тобольского.

– Вы никак с коча, который только что прибыл?

– Вы совершенно правы.

– Проходите, я доложу о вас барину. А саблю желательно передать слуге. Я распоряжусь.

«Вот что значит прислуга! Для нее, видишь ли, выше барина ничто просто и не существует, – рассуждал Афанасий, входя в широкую не то прихожую, не то приемную комнату, устланную ковром. – Притом и меры безопасности своего господина не забывает блюсти, – отметил он, задетый тем не менее за живое требованием дворецкого отдать свою саблю. – Ведь

[25] Письменный голова – должностное лицо в сибирских городах, нечто вроде товарища воеводы. Нередко наделялись теми же функциями, что и воеводы, и порой замещали их.

[26] Товарищ – помощник, заместитель.

[27] Дворецкий – в помещичьем быту: старший лакей, заведовавший домашним хозяйством и прислугой в барских домах.

[28] Балясины – точеные столбики перил.

сабля – непременный атрибут казака, а тем более десятника, – возмущался он про себя. Однако смирился: – В чужой монастырь, как учат мудрые люди, со своим уставом ходить негоже».

Его сразу же поразила большая люстра, свисавшая с потолка, со многими восковыми свечами. «Небедно, однако, живет барин», – усмехнулся он и, отстегнув саблю, передал ее подошедшему слуге. Когда же обратил внимание на заинтересованные взгляды дворовых девок, устремленные на него из глубины соседней комнаты через открытую настежь дверь, то грустно вздохнул: «Жаль, конечно, но не по Сеньке шапка»…

Дворецкий неожиданно быстро вернулся:

– Барин ждет вас. Прошу следовать за мной.

«Интересно, как бы он вел себя со мной, если бы я, к примеру, был бы боярином? И потребовал бы тогда отдать саблю?» – рассуждал Афанасий, следуя за дворецким по ковровым дорожкам, приглушающим шаги. Затем поднялись на второй этаж. Тот же, подойдя к высокой резной двери, указал на нее плавным жестом руки и так же бесшумно удалился.

Афанасий, сдерживая волнение, постучал в дверь и, услышав разрешающее: «Входи!», открыл ее и вошел в светлую, как показалось ему после полумрака коридоров, освещенных лишь немногими свечами, комнату. В окне была видна широкая река, за которой простиралась бескрайняя тундра, поблескивая озерцами.

За столом в кресле с такой же высокой спинкой, как и у тобольского воеводы, сидел мужчина в полукафтане, поверх которого тоже была надета ферязь с короткими рукавами. «У воевод что, такая форма одежды, что ли?» – подумал он.

– Десятник Афанасий Ляпунов! – представился он. – Велено передать вам грамоту от тобольского воеводы князя Троекурова.

– Раз велено, так и передавай! – неожиданно коротко улыбнулся тот и повелительно указал на стул, стоящий напротив него.

Афанасий через стол протянул воеводе свиток и сел на стул, наблюдая за тем, как тот, сломав сургучную печать, с напряженным лицом нетерпеливо развернул его. «Видать, очень ждал эту грамоту», – решил он. По мере чтения грамоты лицо воеводы прояснялось. Наконец он облегченно откинулся на спинку кресла.

– Стало быть, Роман Федорович все-таки разрешил поход на Турухан, – удовлетворенно сказал воевода, как бы рассуждая сам с собой. – Да к тому же еще прислал и команду казаков. – Размышляя таким образом, он постукивал пальцами по столу. А затем, как бы очнувшись, строго посмотрел на посетителя:

– И сколько же, мóлодец, казаков в твоей команде?

– Десять, не считая меня.

– Изрядно, конечно, но для похода, сдается мне, будет, пожалуй, маловато. Так же, между прочим, считает и Роман Федорович, – кивнул он на грамоту, лежавшую на столе перед ним. – Но этот вопрос решаемый, – заключил воевода и, как бы подводя предварительный итог, хлопнул ладонью по столу. – Ну что же, будем готовить поход на Турухан.

«Решительный человек, – отметил Афанасий, – и к тому же деятельный. Ведь, как оказалось, мысль об организации этого похода принадлежит именно ему».

– Итак, начнем с определения численности отряда. Тебя, десятник, как следует из грамоты, зовут Афанасием? – И неожиданно рассмеялся: – Так ты же ведь и сам представился! Как же велико, однако, почтение к своему начальнику! – усмехнулся воевода, глянув на грамоту. – Ну да ладно. А вот как будет тебя по батюшке?

Тот смущенно улыбнулся:

– Савельевичем. Однако по моему чину это не имеет значения. Поэтому обращайтесь ко мне просто по имени.

Воевода, с видимым интересом глянув на десятника, согласно кивнул головой.

– А к вам разрешите обращаться по имени и отчеству.

– А вот как ты, Афанасий, обращался к тобольскому воеводе? – хитровато прищурившись, спросил тот.

– По имени и отчеству.

– Вот видишь, и это к князю. А ко мне, дворянину, уж и тем более, – и, решив, что взаимоотношения между ними выяснены, продолжил: – Роман Федорович наказал возглавить поход тебе. Так?

– Так, Давыд Васильевич.

Воевода вздохнул:

– Честно говоря, я бы и сам с удовольствием возглавил его, да вот незадача – не по чину. – Он красноречиво развел руками. – И сколько же, по твоему разумению, должно быть служилых людей в твоем отряде?

– Вопрос далеко не простой, Давыд Васильевич.

Тот согласно кивнул головой.

– Прежде всего надо определиться с наличием средств передвижения по воде.

Воевода непонимающе посмотрел на него.

– Дело в том, что, как мне представляется, поход должен проходить только летом.

– Это само собой, ибо зимой у нас будет полярная ночь, да и снегу, почитай, по пояс, – согласился тот.

– Но из реки Таз в реку Турухан можно пройти, как мне представляется, только через волок. А какова его длина и каков на нем уклон? Никто ведь толком-то и не знает.

– Не совсем так, Афанасий. В начале этого лета с Турухана-реки вернулись некие промышленные людишки. Потому-то у меня и возникла мысль организовать туда поход для подчинения племен лесных ненцев, живущих по Турухану, и обложения их ясаком, о чем я и отписал Роману Федоровичу в Тобольск. Так вот с одним из них я тебя и сведу. Будет тебе, думаю, о чем поговорить с ним, – улыбнулся воевода, радуясь тому, что смог преподнести десятнику дорогой, как он был уверен, для него подарок. – Да он, пожалуй, вполне может быть и проводником твоего отряда.

– Так ведь это же совсем другое дело, Давыд Васильевич! – обрадовался тот. – И тем не менее коч, даже малый, для похода на Турухан не годится – уж слишком тяжел. А потому, разумею, нужны дощаники. А сколько их можно набрать в Мангазее?

– Два есть точно. Да ты их, кстати, должен был видеть у пристани. – Тот согласно кивнул головой. – Да еще один, по весне, до того как вскроется река, смогут построить на плотбище мастеровые в течение месяца. Но не больше, ибо там всего один уставщик[29], да и корабельных мастеровых как кот наплакал, – вздохнул воевода. – Итого получается три дощаника.

Афанасий прикинул:

– Ежели на каждый дощаник посадить по десять человек, ибо более на них, наверное, не поместится, – и вопросительно глянул на воеводу, а тот утвердительно кивнул головой, – то получается отряд из тридцати человек. Думаю, что этого будет вполне достаточно. Ведь, чай, не такое же у лесных ненцев большое племя? – он снова вопросительно посмотрел на воеводу.

– Людишки, что побывали на Турухане, не говорили об их великом множестве. Однако, как ни крути, отряд менее тридцати человек никак не получается, – вздохнул тот. – Да еще ведь надо присовокупить проводника и толмача[30] из местных ненцев.

– Это так, – подтвердил Афанасий. – Однако надобно было бы прихватить с собой еще и товаров на обмен с инородцами на мягкую рухлядь хотя бы на первое время, да пропитания

[29] Уставщик – корабельный мастер.

[30] Толмач – переводчик.

для отряда почитай что на год. Так что непременно нужен будет еще, хотя бы один, и четвертый дощаник. И не менее того.

Воевода чуть ли не с тоской посмотрел на него:

– Да где же я его тебе возьму, дорогой ты мой человек? Ведь ежели строить еще один дощаник на плотбище, то уйдет еще целый месяц, а лето-то у нас ох какое короткое. И как мне прикажешь быть?

Афанасий задумался, а затем неуверенно посмотрел на воеводу:

– Может быть, попросить у тобольского воеводы прислать еще одного уставщика да корабельных мастеровых некоторое число? Ведь если поход на Туруxан удастся, то все равно потребуются для перевоза мягкой рухляди еще многие дощаники…

«А десятник-то мужик с головой, – удовлетворенно подумал воевода. – Думает не только о дне сегодняшнем, но печется и о днях будущих. А ведь с таким подходом можно смело просить Троекурова о помощи. Ведь если поход десятника увенчается успехом, в чем я ничуть и не сомневаюсь, то прибыток государевой казне будет немалым. А плотбища, как известно, ведь есть не только же в Тобольске».

– Мыслишь правильно, Афанасий. Пожалуй, отпишу об этом Роману Федоровичу. Думаю, он не откажет в помощи.

Тот облегченно откинулся на спинку стула.

– Теперь об инородцах, – продолжил воевода, считая вопрос о численности отряда решенным. – Как говорили те люди, которые побывали на Туруxане, лесные ненцы, или самоеды, как они именуют себя, так же, как и местные, или тундровые, живущие по реке Таз, относились к ним дружелюбно. А посему, пройдя реку Турухан до ее впадения в Енисей, большую, как и Обь, сибирскую реку, поставишь там Туруханское зимовье. Оно-то и будет пунктом сбора ясака. А кроме того, и опорным пунктом для дальнейшего продвижения русских в Сибирь, уже за Енисей.

Глаза Афанасия, внимательно слушавшего воеводу, засветились радостью. Ведь он же как раз и мечтал об этом.

– А ты, Афанасий, станешь не только начальником отряда, но и приказчиком этого зимовья. Подготовить же грамоту о твоих полномочиях я распоряжусь.

Тот же с тревогой в голосе все же спросил:

– А ежели инородцы откажутся добровольно перейти под руку нашего государя и окажут сопротивление этому?

Воевода усмехнулся:

– Тогда поставишь острог[31] и будешь принуждать их платить ясак силой, беря в залог аманатов[32] из местной родоплеменной знати. Хотя это вряд ли произойдет.

– Очень хотел бы, Давыд Васильевич, на это надеяться, – признался Афанасий.

– Как говорится, на Бога надейся, да сам не плошай, – назидательно произнес воевода. – А тебе, Афанасий, надобно быть готовым ко всему. Чай, не в бирюльки играем!

– Понимаю, Давыд Васильевич!

– Это хорошо, что понимаешь, – усмехнулся тот. – Теперь о взаимоотношениях с инородцами.

Афанасий напрягся.

– Ясак, как это заведено во всех покоренных до сих пор землях, собирает, как правило, местная родоплеменная знать. А посему тебе надобно привечать ее, одним словом, задабри-

[31] Острог – постоянный или временный населенный укрепленный пункт, обнесенный крепостными стенами из бревен высотой 4–6 метров со сторожевыми башнями по их углам.

[32] Аманаты – заложники из родоплеменной знати, которых держали под караулом в уездных городах и острогах, чтобы соплеменники исправно платили ясак.

вать. А посему подарков для нее особо не жалей. Однако тоже в меру, – снова усмехнулся воевода, испытующе глянув на того.

Тот встал со стула:

– Начальником отряда для похода на Турухан меня назначил тобольский воевода, которому как уездный воевода подчиняетесь и вы. А посему, ежели у вас возникли какие-либо сомнения по поводу моей пригодности в качестве будущего начальника отряда, то прошу отписать об этом князю Троекурову. Ему и решать.

Воевода гневно глянул на него:

– Не много ли позволяешь себе, десятник?!

– Ровно столько, сколько повелел мне Роман Федорович! И ни на йоту больше!

«Ну и фрукт этот десятник! – досадливо поморщился воевода. – Однако ссориться с ним – значит можно навлечь на себя немилость князя, а тот ведь так близок к государю! А посему нужно мириться», – вздохнув, решил он.

– Садись, Афанасий! В ногах-то правды нет.

– Иногда бывает полезным и постоять… – заметил тот, усаживаясь на стул и отходя от обиды.

На этот раз воевода улыбнулся:

– Что это тебя так зацепило?

– Несправедливость! Ведь вы, совершенно не зная меня, тем не менее изволите подозревать в нечестности.

– Вот этого я, поверь мне, никак и не имел в виду. А если что и сказал не так, то извини.

Афанасий твердо посмотрел в глаза воеводе:

– Если мы с вами, Давыд Васильевич, не будем единомышленниками, то и не свершим того великого дела, которое начинаем и, кстати, об успешном свершении которого оба не только мечтаем, но и печемся. Другого не дано!

– Я того же мнения, что и ты, десятник, – как бы подчеркнув этим обращением ту разницу в чинах, которая была между ними. Мол, не забывайся, знай, дескать, свое место! – А посему давай считать нашу размолвку исчерпанной.

И протянул Афанасию руку, которую тот крепко, по-мужски, пожал.

– А теперь, – уже спокойным, деловым голосом сказал воевода, – подумаем о размещении твоей команды. Казаки будут жить в стрелецких сторожках, расположенных здесь же, в детинце. Пусть знакомятся со стрельцами, тем более что двадцать из них и будут со временем включены в твой отряд. – И пояснил: – Постоянного гарнизона в Мангазее пока нет. Однако регулярно из Тобольска и Березова присылают по пятьдесят стрельцов сроком на год, которые и несут здесь караульную службу. Тебе же предлагаю обосноваться в моем крыле воеводского двора.

Афанасий удивленно посмотрел на него.

– Чему удивляешься? – усмехнулся воевода, довольный произведенным впечатлением на десятника. – Во-первых, у тебя будет вполне приличное пропитание, о котором не надо будет тебе беспокоиться, и соответствующая обслуга, а во-вторых, мне будет легче общаться с тобой. – А затем хитровато улыбнулся: – Я уже заметил, как ты не один раз косился на шахматы, которые стоят у меня вот здесь, на столе. Играешь в них?

Тот огорченно вздохнул:

– Нет. К великому сожалению, так и не было случая научиться. Стало быть, не по чину.

– При чем тут чин? – искренне удивился воевода.

– Да при том, что для того, чтобы иметь такие же шахматы, как у вас, нужны немалые деньги, которыми я не располагал, да, признаться, и сейчас не располагаю.

Воевода заулыбался, довольный исповедью десятника. «Не скрывает, стало быть, своего незавидного финансового положения. Это очень хорошо», – прикинул он про себя, а вслух спросил, кивнув в сторону шахмат:

– Понравились?

– Не то слово – красота неописуемая!

– Это так, – самодовольно согласился воевода. – Ведь все фигуры выполнены из мамонтовой кости знатным мастером. Однако шахматные фигуры, – заметил он, – делают и из дерева, а посему и стоят они совсем даже не так уж и дорого. Так что у многих жителей Мангазеи, по моим сведениям, тоже есть шахматы. Но это я так, к слову. Ведь в связи с этим, как я понимаю, наметилось еще одно преимущество твоего проживания в моем дворце.

Афанасий вопросительно посмотрел на него.

– Зима здесь долгая и, заметь, почти в течение двух месяцев тянется непрерывная, то есть полярная ночь. Так вот, в течение этой самой ночи солнце-то, заметь, вообще не появляется на небосводе. Вот за это время я и научу тебя играть в шахматы. А мужик ты, как вижу, толковый, и мы с тобой будем ее, эту самую полярную ночь, коротать у шахматной доски. Каково?!

– Весьма буду благодарен вам, Давыд Васильевич, за это!

– Ну так как – согласен?

– В принципе – да.

– Почему это «в принципе»? – вспылил тот. – И что я тебя, спрашивается, уговариваю, как девку?

Афанасий отвел взгляд в сторону:

– В них-то как раз и все дело…

Тот оторопело посмотрел на него, а затем, уловив смысл сказанного, от всей души расхохотался:

– А мне-то, дураку, и в голову никак не пришло, что мужик, да еще такой складный, давно, видать, за бабью титьку не держался.

И, несколько успокоившись, спросил:

– Ты-то хоть женат?

– Нет, Давыд Васильевич, не успел. Мотаюсь все время по разным гарнизонам. Какая уж там женитьба? Вроде как зацепился было в Тобольске, а тут опять, на тебе: ступай в Мангазею, а то и далее… А как увидел ваших девок, стреляющих в меня своими дьявольскими глазками, так в душе все прямо-таки перевернулось.

Тот задумался, видимо, обдумывая исповедь десятника, тронувшую его мужское сердце.

– Не робей, казак, – атаманом будешь! В принципе, как сказал ты, этот вопрос тоже решаемый. Во всяком случае, обещаю не вмешиваться в твои сердечные дела, – и усмехнулся, – ежели ты, конечно, не станешь менять моих девок как перчатки.

– Как можно, Давыд Васильевич?!

– Стало быть, теперь согласен, – удовлетворенно произнес тот и позвонил в серебряный колокольчик, стоявший у него на столе.

Через некоторое время дверь в комнату приоткрылась и в нее заглянул дворецкий:

– Чего изволите?

– Проходи! – повелел воевода и, когда тот приблизился, распорядился: – Сей десятник будет проживать здесь, у меня. – Дворецкий почтительно глянул на того. – Подбери ему комнату соответствующую да девку в услужение. – А затем, сделав паузу, уточнил: – Впрочем, он выберет ее себе сам. Ступай!

– Ну и как, доволен, Афанасий? – усмехнулся воевода, когда дворецкий вышел.

– Я, честно говоря, не ожидал такого, с моего, конечно, взгляда, царского приема.

– Привыкай, не все же тебе в десятниках ходить. Ведь если мне мое дворянство досталось просто так, как бы само собой, по рождению, то тебе придется достигать чего-то стоящего в жизни уже своими заслугами. Другого, как только что сказал ты, не дано!

Афанасий улыбнулся:

– Под руководством таких умных и деятельных людей, как вы, Давыд Васильевич, можно действительно достичь многого.

– А почему бы и нет? – саркастически усмехнулся тот. – И в шахматы играть научат, и девку гладкую, глядишь, под бок подсунут…

– Да ну вас, Давыд Васильевич! Я же серьезно, а вы все в шуточки обращаете…

– Не обижайся, Афанасий, будет и на твоей улице праздник! С твоими-то способностями! Верь мне.

– Дай-то Бог! А я как-то и не буду против, – рассмеялся тот.

– Ну ладно, пошутили – и будет. А пока тебе подбирают комнату, надо решить еще один волнующий меня вопрос.

Афанасий насторожился.

– Проследи, чтобы твои казаки не увлеклись игрой в зернь[33]. А то некоторые наши стрельцы умудряются проигрываться чуть ли не до подштанников, – усмехнулся воевода. – А после этого кто-то ссужает им деньги в рост и они повторяют все сначала. Поэтому если заметишь что-то неладное, то сразу же докладывай мне. А я уж с этими людишками-доброхотами как-нибудь разберусь!

– Спасибо, что предупредили, Давыд Васильевич! Только этого нам перед походом еще и не хватало.

«Вроде как азартные игры очень волнуют воеводу, – призадумался Афанасий. – Что-то здесь, наверное, действительно не так. Ну да ладно – со временем разберусь, что к чему», – решил он.

Раздался негромкий стук в дверь.

– Входи, Кузьма! – разрешил воевода.

«Как через дверь видит! – усмехнулся Афанасий. – А чему, собственно говоря, удивляюсь? Уж сколько лет тот прислуживает барину, судя по его возрасту».

Тот вошел, но остался стоять у двери.

– Комната для вашего гостя подобрана, однако надобно прибраться в ней да постель застелить.

– Комната-то хоть добрая? А то для тебя и чулан – чуть ли не хоромы, – усмехнулся воевода.

– Как можно, барин?!

– Ну ладно, верю тебе. – И посмотрел на Афанасия: – Мы с тобой вроде как все оговорили. Во всяком случае, самое главное. А что не успели, так оговорим потом – времени еще будет хоть отбавляй. Главное же сейчас – отписать просьбу Роману Федоровичу, пока коч не ушел обратно в Тобольск. Этим-то и займусь. Ну что, пойдешь, однако, осматривать хоромы, которые подобрал тебе Кузьма?

– Это само собой. А затем схожу на пристань, дабы забрать своих казаков. Истомились небось, меня ожидаючи, – усмехнулся он. – Размещу их в стрелецких сторожках, как вы и велели, да вернусь со своими пожитками уже в свои хоромы.

– Тогда с Богом, Афанасий!

[33] Зернь – азартная игра в кости.

Следуя за дворецким, подошел к двери в свою комнату. «Да, дверь-то, однако, не так высока, как у воеводы, – с усмешкой отметил он. – Стало быть, по Сеньке и шапка».

Тот распахнул дверь:

– Вот это ваша комната.

Афанасий вошел в нее и огляделся. Стол, два стула, двухстворчатый шкаф и, конечно, кровать. На противоположной стене небольшое окошко с занавеской. «А что еще надо холостому десятнику? – подумал он. – Одним словом, спасибо тебе, воевода, за приют! Это тебе не каморка в какой-нибудь сторожке. И это в лучшем случае. Да ведь и о моем пропитании воевода ведь не зря же упомянул…» Затем повернулся к дворецкому, который напряженно наблюдал за ним.

– Спасибо за заботу!

– Называйте меня Кузьмой, как и барин. Что-нибудь еще надобно?

– Письменные принадлежности, писчую бумагу, а также, ежели, конечно, возможно, тумбочку какую для бумаг. Это, как я надеюсь, в барском доме найдется?

– Непременно. А сейчас я покажу вам девиц, из коих, как повелел барин, – подчеркнул он, – вы выберете одну из них себе в услужение.

– С превеликим удовольствием, Кузьма!

И Афанасий впервые увидел промелькнувшую на лице дворецкого мимолетную улыбку.

«Вот старый черт! А ведь тоже мужик!.. – усмехнулся он. – Все понимает с полуслова».

Когда они вошли в комнату, расположенную рядом с прихожей, то сразу же встали с длинной лавки четыре девицы, находившиеся в ней.

«Именно из этой комнаты они и зыркали на меня, когда я вошел в прихожую с большой люстрой и отдавал саблю слуге. Видимо, это и есть комната для прислуги», – решил он.

Девицы же с видимым интересом и волнением: кого же из них выберет этот статный казак? – выжидающе смотрели на него. «Да они же все красавицы, как на подбор! – растерялся Афанасий. – Как же тут можно выбирать?»

И все же одна из них пришлась ему почему-то больше по душе.

– Как тебя зовут, красавица? – обратился он к ней.

Та, засветившись радостью и порозовев, ответила:

– Марией…

И Афанасий молча посмотрел на дворецкого.

– Я покажу тебе комнату твоего нового господина, – обратился тот к выбранной им девице. – Приберись в ней и застели постель. Все как положено! Пошли со мной!

– Постой, Кузьма! – остановил его Афанасий. – А где же моя сабля? – напомнил он.

Тот приостановился, видимо, коря себя за это упущение, а затем быстро вышел из комнаты и тут же вернулся, держа на вытянутых руках саблю, и протянул ее хозяину.

– Извините за предосторожность, но у нас так принято поступать с незнакомыми людьми.

– Я не в претензии к тебе, Кузьма! Порядок есть порядок, тем более что не ты его устанавливаешь.

Тот же поманил Марию и ушел вместе с ней. За ними вышел и Афанасий и пока в прихожей прилаживал к поясу свою саблю, то услышал из комнаты для прислуги девичий шепот:

– Вот уж повезло Машке! – прошептала одна.

– И не говори, Дуня! – вторила ей другая.

– Ой, девоньки, а мужик-то какой справный! – чуть ли не простонала третья.

Афанасий, смутившись оттого, что стал невольным свидетелем девичьих переживаний, тихонько открыл входную дверь, которая, к счастью, даже и не скрипнула, и вышел на крыльцо. И только там озадаченно выдохнул: «Надо же, какие страсти…» А душа его пела в предвкушении сладостных минут человеческого счастья.

Полярная ночь

За столом сидели двое мужчин, склонившихся над шахматной доской. На их сосредоточенных лицах играли блики от колеблющегося пламени свечей, стоявших в массивных серебряных подсвечниках.

Один из них, сделав очередной ход, озадаченно произнес:

– А ты, Афанасий, однако, неблагодарный человек…

– Это почему же, Давыд Васильевич? – спросил тот, не отрывая взгляда от шахматной доски и обдумывая ответный ход.

Воевода усмехнулся:

– Не прошло и четырех месяцев, как я научил играть тебя в шахматы, а ты уже всерьез прижимаешь меня, заставляя играть в полную силу. Это что, твой ответ на мое гостеприимство?

– За гостеприимство, конечно, спасибо. Но, как говорится, что посеешь, то и пожнешь…

– Ты что хочешь этим сказать?! – вскинулся тот.

– Только то, что семена просвещения, брошенные вами, попали на благодатную почву, – спокойно ответил партнер.

Тот хмыкнул:

– А не кажется ли тебе, что ты, несмотря на свои несомненные способности, все-таки слишком высокого мнения о себе?

Афанасий поднял голову и посмотрел на него:

– Цыплят по осени считают, Давыд Васильевич! Так что посмотрим – то ли еще будет…

Воевода откровенно рассмеялся:

– Вот теперь-то я спокоен – ты же просто нахал, Афанасий!

– Вполне может быть, Давыд Васильевич. Не отрицаю. А вот и мой ответный ход, – сказал тот, переставив коня. – Шах!

И они, сосредоточившись, снова углубились в игру. Сложившаяся на шахматной доске позиция уже не способствовала дальнейшим непринужденным разговорам.

– Ну что же, Афанасий, доигрались мы с тобой до голых королей… Стало быть, ничья?

– Уж это точно, Давыд Васильевич. Самая что ни на есть.

– Не зря же я, видать, назвал тебя нахалом. Хорошо еще, что играли одни, а то бы от стыда оставалось бы только удавиться… – сокрушенно вздохнул тот. – Стыдоба, одним словом!

– И что вы это так убиваетесь, Давыд Васильевич? – удивился Афанасий. – Неужто вас и на самом деле так задела ничья со мной? Подумаешь, эка невидаль!

Воевода скептически посмотрел на него.

– Молод ты еще, десятник! И к тому же, как и сам понимаешь, очень даже невысокого сословия. А я же ведь, несмотря на свое лишь дворянское происхождение, играл, по стечению ряда обстоятельств, конечно, с лучшими, заметь, представителями боярских родов России. Людьми прекрасно образованными и умными. И ни разу не то что не проигрывал, но даже не сводил с ними партии вничью. А тут… – и безнадежно махнул рукой.

В комнате повисла напряженная тишина. И были только слышны потрескивания горящих свечей.

– Ну да ладно, – нарушил ее воевода. – Признаюсь, меня действительно расстроила ничья с тобой. А может быть, и зря? – Он пристально посмотрел на Афанасия. – Может, действительно надо радоваться, что в коня корм? – И задумался. – Во всяком случае, предлагаю сыграть еще одну партию. Ты не будешь против?

– Конечно, нет! – согласился тот с облегчением, подавленный искренностью признаний уважаемого им человека. – Только боюсь ее очередного исхода. – И пояснил: – Я ведь, если вы, Давыд Васильевич, успели заметить, уступать не привык. Причем никому.

На этот раз тот усмехнулся:

– Не бойся. Я постараюсь теперь быть настолько сосредоточенным и внимательным, чтобы больше не доставить тебе удовольствия, а себе расстройства.

– Ежели так, то конечно, Давыд Васильевич!

Они развернули шахматную доску и стали расставлять фигуры на ней.

– Кстати, – заметил воевода, когда шахматная доска была готова для начала новой партии, – как у тебя, наладились ли отношения со своей прислугой?

– Вполне, – насторожился тот.

– Я так и думал. То-то она у тебя вся прямо-таки расцвела. Да и подозрительно округлилась к тому же, – хохотнул воевода.

– Вы это к чему, Давыд Васильевич?

– Да к тому, что, сдается мне, понести она может от тебя.

Афанасий посмотрел ему в глаза:

– А это что, возбраняется?!

– Смотря как посмотреть, – уклончиво ответил тот.

– Во всяком случае, я не стал менять ваших девиц как перчатки, чего вы почему-то очень убоялись.

Воевода нахмурился.

– Дерзить изволишь, десятник?!

– Вынуждаете, Давыд Васильевич! Я хоть и отношусь, как вы выразились, к невысокому сословию, однако, смею вас заверить, понятие чести для меня не пустой звук. Тем более что я так же, как и вы, состою на государевой службе, хотя и в существенно разных чинах.

Воевода побарабанил пальцами по столу.

– Ты что же, предлагаешь мне выбор между тобой и девкой?!

– Ни в коем случае, Давыд Васильевич! Мария – очень хороший человек, несмотря на свое происхождение. И я уважаю ее.

– Так же, как и меня? – съязвил тот.

– Нет, Давыд Васильевич, совсем, как понимаете, по-другому, – рассмеялся Афанасий.

– И то слава Богу! – рассмеялся и воевода, весьма довольный тем, что тот свел назревавший было между ними конфликт в шутку.

«Как ни странно, но Афанасий ведь за эти месяцы стал для меня, пожалуй, самым близким здесь, в Мангазее, человеком. По духу, разумеется, – уточнил он для себя. – И мне бы очень не хотелось, чтобы мы с ним отдалились. И что это я, на самом деле, взъелся на него за Марию? – корил он себя. И усмехнулся: – Взыграло чувство собственника… Как же так – грабят! Хотя и сам, – усмехнулся он, – предоставил ему право выбора прислужницы. Тоже хорош, Давыд! Хотя и меня тоже можно понять: жена-то с детьми осталась в имении под Ржевом… Ну да ладно, будем исходить из того, что милые ссорятся – только тешатся», – решил он.

– Кстати, Давыд Васильевич, а Мария ваша крепостная или свободная?

Тот усмехнулся:

– Дворовые, Афанасий, свободными не бывают. Вот обвенчаешься с ней – станет свободной.

Тот пристально посмотрел на воеводу, размышляя:

– А знаете, Давыд Васильевич, я, пожалуй, именно так и сделаю.

Воевода озадаченно посмотрел на него, как на чумного:

– У тебя все нормально с головой-то? На кой ляд тебе, спрашивается, сдалась дворовая девка? Мало ли на Руси добрых барышень? Да ведь любая из них за тебя тут же с радостью пойдет, только помани…

– А на кой ляд мне сдались жеманницы, которые как чуть что, так тут же падают в обморок.

– Ты на что это намекаешь? – подозрительно спросил воевода, тут же вспомнив о своей жене.

– Да ни на что я не намекаю, – поморщился Афанасий. – Просто мне нужна преданная и заботливая жена, а Мария-то как раз таковой и будет. Ведь я уже достаточно похолостяковал, и пора бы обзавестись семьей. А сколько я еще пробуду в походах по Сибири, одному Господу Богу известно… Ведь сами же, Давыд Васильевич, понимаете. Да и с сословной точки зрения все в полном порядке – я же не имею даже дворянского достоинства, а лишь сын боярский. Хотя знаю немало случаев, когда и дворяне брали в жены дворовых девок, а то и вообще крепостных. К тому же, как вы правильно заметили, Мария уже через некоторое время будет на сносях. А мне нужен наследник, а не незаконнорожденный ребенок.

– А если родится дочь? – усмехнулся тот. – Тогда, стало быть, вся эта затея пойдет насмарку?

– Еще не вечер, Давыд Васильевич, – будет и сын. А дочь – тоже не помеха.

– Так-то оно так… У меня же, к сожалению, из четырех детей все – девочки, – вздохнув, признался он. – Вначале, после рождения первой дочери, решил, что буду «биться» до наследника. Однако после рождения четвертой дочки махнул рукой – чего, мол, нищету плодить, – и хохотнул, а затем уже озабоченно спросил: – Но ты-то хоть хорошо ли все продумал? Ведь, как мне показалось, эта шальная мысль пришла к тебе лишь только что, во время нашего разговора за шахматами. Или не так?

– Так, Давыд Васильевич, так, – признался и тот. – Однако время еще есть. Но я от этой мысли уже не откажусь.

Тот усмехнулся:

– Знаю, Афанасий, что ты мужик упертый. Ведь правильно говорят умные люди, что достаточно сыграть с человеком лишь одну партию в шахматы, чтобы познать его. Да, признаться, и Мария – девка-то справная. А посему мир вам да любовь!

– Спасибо на добром слове, Давыд Васильевич! – и автоматически вынув из кармана часы, посмотрел на них.

– Это что еще такое? – опешил воевода.

– Карманные часы, – ответил тот, уже поняв свою оплошность, ибо до сих пор не показывал их ему. – А называются они «нюрнбергскими яйцами», потому как изготовляются в баварском городе Нюрнберге.

– И откуда же это они у тебя? – подозрительно спросил воевода, беря часы у Афанасия в свои руки и внимательно разглядывая их, а затем, услышав легкое тиканье в них, приложил и к уху. – Что-то ничего подобного я не видел даже и в Москве.

– Подарок тобольского воеводы при назначении меня начальником отряда для похода на Турухан. А не видели этих карманных часов потому, что их начали изготовлять лишь совсем недавно, и то лишь только в Баварии. И один из вельмож государя Бориса Федоровича Годунова, ныне уже покойного, приобрел их по случаю там лишь самое малое число и преподнес в качестве подарка государю.

– И откуда же это они оказались у князя Троекурова? – продолжал допытываться мангазейский воевода, потрясенный столь щедрым подарком того какому-то безызвестному казацкому десятнику.

– Когда государь посылал того воеводой в Тобольск, то передал ему несколько этих часов, видимо, для одаривания ими своих приближенных, – пояснил Афанасий.

Воевода вздрогнул: «Стало быть, князь возлагает на десятника большие надежды, коль дарит ему столь редкие на Руси часы, коих нет даже у приближенных к монаршему трону. А я-то, дурак, пытался еще приструнить его, не ведая об этом, – корил он себя. – И ежели тот вернется с успехом из похода, то непременно будет обласкан им. Правильно же говорят, что век живи, век учись», – вздохнул он, а вслух уже примирительно сказал, с сожалением возвращая десятнику часы:

– С этой диковиной мы, кажется, разобрались. Тогда, пожалуй, начнем очередную партию?

– Непременно, Давыд Васильевич!

Тот сделал первый ход белыми, и они снова склонились над шахматной доской.

Глава 2
Канун похода

Наконец-то из-за горизонта стал ненадолго показываться край солнца, а затем оно с каждым днем стало подниматься все выше и выше. Кончилась долгая, почти двухмесячная полярная ночь…

Неожиданное предложение

Афанасий погладил уже довольно большой живот Марии, лежавшей рядом с ним.

– Было бы очень хорошо, если бы ты, Маша, родила сына, – мечтательно произнес он.

Та прямо-таки расцвела от его ласки:

– Да сын-то и будет, Афонечка!

– Почему ты так уверена? – засомневался тот.

Мария счастливо рассмеялась:

– Ребеночек-то уже толкается ножками, да знаешь как! А так толкать, как говорит бабка Фрося, может только мальчик.

Афанасий усмехнулся ее пророчествам, однако когда снова погладил ее живот, то ясно ощутил довольно сильный толчок в нем.

– Ну что же, пожалуй, пора…

– Что пора, Афоня? – насторожилась Мария.

Тот усмехнулся:

– Под венец идти пора!

– Кому? – не поняла она.

– Да нам с тобой, Маша.

Та опять непонимающе посмотрела на него:

– Как это нам? – И тут ее глаза расширились – до нее наконец-то дошел смысл его слов. – Не может быть! – тем не менее воскликнула она, боясь поверить в нежданно свалившееся на нее несбыточное счастье.

«Да разве же возможно такое? – предательски нашептывал ее внутренний голос. – Не может быть, не может быть…» – молотом стучало у нее в голове, и она с мольбой во взгляде глянула на него, словно умоляя подтвердить то чудо, о котором, как показалось ей, она только что услышала.

Афанасий же погладил ее русые волосы, настолько длинные, что те разметались по всей подушке.

– Ты не ослышалась, Маша, – видя ее потрясенное состояние, сказал он, поставив себя на ее место. – Я действительно предлагаю тебе стать моей женой.

Та все еще непонимающими глазами глянула на него, а затем, уронив голову на его грудь, разрыдалась. Афанасий же только гладил ее по голове, давая ей возможность излить свои чувства.

«Каким же все-таки потрясением оказалось для нее мое предложение?! – подумал он. – Я же, конечно, предполагал нечто подобное, но ведь не настолько же! – И усмехнулся про себя. – Девчонка, совершенно беззащитная, безоглядно влюбилась в меня, человека, которому прислуживала, не думая о возможных последствиях. И даже когда поняла, что забеременела, то ни разу не упрекнула меня в этом, решив, видимо, что как будет, так и будет. И вдруг я, как бы между прочим, предлагаю ей стать моей женой. С ума же сойти можно…»

И, находясь под сильным впечатлением от своих размышлений, тихо сказал:

– Тебе же нельзя так волноваться. Извини уж меня!

Мария тут же подняла голову и сквозь слезы, ручьями текущие по ее щекам, еще всхлипывая, прошептала:

– Да за что же это, милый мой, я должна тебя извинять? В своем ли ты уме?! Я же ношу под сердцем плод своей любви и лишь только за это должна быть благодарна своей судьбе. И вдруг мне, дворовой девке, приставленной к тебе в услужение, ты говоришь, что хочешь взять меня в жены… Да разве же такое может быть?!

И в волнении даже не заметила того, что впервые обратилась к нему на «ты».

– Стало быть, может. Или ты хочешь, чтобы наш с тобой ребенок родился незаконнорожденным?

Та испуганно посмотрела на него глазами, сразу же высохшими от слез. «Но он же ведь только что сказал “наш с тобой ребенок”!» – И, боясь, что не ослышалась, возликовала своей истерзанной сомнениями душой.

А тот уточнил:

– Лично я этого не хочу.

– Да разве я против того, чтобы мы обвенчались?! – в отчаянии воскликнула она. – Но как к этому отнесется мой барин?! – со страхом спросила она.

– Он уже знает об этом, – успокоил он ее, а та вздрогнула: «Стало быть, об этом он уже говорил с моим барином?!» – промелькнуло у нее в голове, и тем не менее все еще недоверчиво продолжала смотреть на него. – Вот выйдешь за меня замуж и станешь свободным человеком.

– Правда?! – почти шепотом спросила та, как бы боясь спугнуть это, казавшееся ей зыбким, чудо.

– Конечно, правда.

Мария снова уронила голову на его грудь и теперь уже расплакалась.

– И за что же это, Господь, на меня свалилось такое счастье? – всхлипывая, прошептала она.

– За то, что ты добрая, ласковая и заботливая… Да к тому же еще и умница.

– Правда? – снова спросила она, подняв голову и испытующе заглядывая ему в глаза.

Тот усмехнулся.

– А иначе с какого бы это перепуга я предложил тебе идти со мной под венец? – ответил он вопросом на вопрос.

Ее лицо засветилось радостью. И тут же она испуганно посмотрела на свой уже большой живот и со страхом спросила:

– А как же это я с ним-то, таким уже большим, пойду под венец?!

– Через не могу! – сказал, как отрезал Афанасий. – Чуть было не сказал тебе: раньше надо было думать… – усмехнулся он, а Мария, порозовев, смиренно опустила глаза. – Или тебе, может быть, еще раз напомнить о незаконнорожденном ребенке?!

Та вздрогнула от его слов, как от удара хлыстом:

– Я все поняла! И прошу тебя: не напоминай мне больше об этом. Ведь не зря же, наверное, ты только что назвал меня умницей…

– Стало быть, не зря. Ну да ладно. Как говорится, кто старое помянет – тому глаз вон. А ты, Маша, озаботься о подвенечном платье. С ним, как мне кажется, будут некоторые трудности, учитывая несколько изменившуюся твою фигуру, – улыбнулся он. – Ну да, думаю, бабка Фрося тебе подсобит в этом деле. – Та согласно кивнула головой. – А за деньгами дело не станет. Так что об этом не беспокойся.

Мария благодарно посмотрела на него, а затем, смущаясь, спросила:

– А можно мне будет сказать об этом своим подружкам?

– О чем? – не понял тот.

– Да о нашем с тобой венчании…

Афанасий рассмеялся:

– Мне бы твои заботы! Конечно, можно. Иначе как же это ты сможешь жить с таким секретом, не рассказав им об этом?!

Она прильнула к нему и прошептала:

– И откуда же это ты свалился на мою голову, милый?

Тот усмехнулся:

– Этот вопрос, пожалуй, больше подходил бы для меня. Ты не находишь?

– Нахожу, дорогой ты мой человек. – И с каким-то ранее неизведанным для нее чувством добавила: – Отец нашего дитя.

– Его, между прочим, надо еще и родить…

– Вот за этим-то дело не станет. Верь мне. Ведь я же, еще и не родив его, уже чувствую себя матерью. И не улыбайся, но это так. – А затем с затаенной нежностью спросила: – А как мы его назовем?

– Если родится мальчик – Михаилом, – не задумываясь, ответил Афанасий.

– А если девочка – то Ольгой, – предложила она и вопросительно посмотрела на него.

– Как древнерусскую княгиню?

– А почему бы и нет? – улыбнулась она. – Ведь ты же, милый, тоже, чай, не простого рода.

– Княжеского… – усмехнулся тот. – Я же ведь, Маша, всего-навсего сын боярский.

– Ой, Афонечка! – восторженно воскликнула та, завороженно глядя на него, и тут же прошептала: – Какое же это счастье, что ты именно меня выбрал себе в прислужницы. Ведь когда ты в первый раз пришел в господский дом и я увидела тебя в прихожей из комнаты для прислуги, то сердце мое чуть было не оборвалось, – призналась она. – А позже, когда ты выбрал меня уже в присутствии Кузьмича, у меня вообще чуть было не подкосились ноги.

– А я действительно почему-то выбрал именно тебя, хотя должен сказать, что и другие девки тоже были хороши. – Мария ревниво глянула на него, а тот, не обращая внимания на ее эмоции, задумался. – Я же ведь никак не предполагал, что наши отношения с тобой зайдут так далеко. – Ее лицо порозовело. – Стало быть, есть что-то притягивающее друг к другу совершенно неожиданно встретившихся двух совершенно незнакомых ранее людей…

– Конечно, есть, Афоня, – загадочно улыбнулась та. – Это же Божий промысел. Разве не ведаешь?

– Ну ладно, ведунья, давай-ка спать. Завтра много дел.

Мария приподнялась на локте и с затаенной надеждой спросила:

– И мне можно сегодня не идти спать в девичью комнату?

– Конечно. Ты же сама спросила разрешения рассказать своим подружкам о нашем предстоящем венчании. Так в чем же тогда дело?

Она жарко обняла его шею.

– Какое счастье, что я теперь могу спать, обняв тебя! Я же ведь так мечтала по ночам об этом. – И насторожилась: – А о каких делах ты только что сказал?

– Надо готовить поход на Турухан.

– И ты будешь в нем участвовать? И как долго он продлится?

– А как же? – недоуменно пожал плечами Афанасий. – Или ты считаешь, что тобольский воевода прислал меня сюда лишь для того, чтобы я лапал тебя? – начал выходить он из себя.

– Не возмущайся так, Афоня! Я же никогда не спрашивала тебя о твоих делах.

– А теперь, когда я только было заикнулся о венчании с тобой, ты уже решила, что теперь имеешь право требовать от меня отчета о всех моих делах? – гневно посмотрел он на нее так, как будто увидел в первый раз. – Запомни раз и навсегда: во-первых, я служилый человек и, куда мне идти и насколько, а также что мне делать, решает только мое начальство и я сам. Во-вторых, каждый сверчок должен знать свой шесток. Мое дело – служба, а твое – дети и

хозяйство. А то, что сочту нужным, я и сам расскажу тебе. Теперь же одевайся и иди спать в девичью комнату.

– Но, Афоня! – взмолилась та, в смятении глядя на него.

Тот осуждающе посмотрел на нее:

– Был Афоня, да весь кончился… Теперь у тебя, Мария, будет достаточно времени подумать над тем, что я тебе сказал. А мне действительно надо выспаться. Все! Ступай!

* * *

Следующим поздним вечером Афанасий вернулся в свою комнату и был удивлен, застав в ней Марию.

– Ты что это здесь до сих пор делаешь?

– Убираюсь, Афанасий Савельевич, – смущенно ответила та. – Ведь день-то еще короткий…

– А может быть, просто ждала меня? – усмехнулся тот, подозрительно глянув на нее.

– Может быть, и так, Афанасий Савельевич, – не стала отрицать она, отведя глаза в сторону.

Афанасий вскипел:

– Да что ты это заладила: Афанасий Савельевич, Афанасий Савельевич… Я же ведь еще вчера, кажется, сказал, что тому, кто старое помянет, – глаз вон!

Лицо Марии просветлело, и она, как от ожидания очередного чуда, прикусила губу.

– Клюквенного соку плескани, Маша, а то что-то пересохло во рту.

– Конечно, конечно, Афанасий… – и смешалась. – Афоня, – поправилась она, неуверенно глянув на него.

А тот, сделав несколько глотков сока из высокого стакана заморской работы, задумался.

День действительно выдался на редкость тяжелым…

Вначале он сделал смотр двадцати стрельцам во главе с десятником Семеном Гурьяновым, выделенными воеводой в его отряд, а заодно и своим казакам, которые от безделья несколько разболтались.

Затем, выйдя из детинца, спустился на плотбище, чтобы проверить ход подготовительных работ к строительству дощаников. Оба уставщика, и старый, Дементий Дубинин, и новый, Яков Кривой, прибывший в Мангазею с несколькими корабельными мастеровыми еще перед самым ледоставом по указанию тобольского воеводы, подробно ознакомили его с состоянием дел. Показали и чертежи дощаников, которые предстояло построить, ответив на ряд его вопросов. Когда же он спросил, можно ли установить на одном из них пищаль[34], уставщики озадаченно переглянулись. А затем пообещали разобраться с этим вопросом и доложить ему свое решение. Когда же он с некоторым недоумением сказал им, что, как ему известно, на судах Ермака при его походе в Сибирь были пищали, те объяснили ему, что у Ермака были не дощаники, а струги, поднимавшие по 20 человек с полным вооружением, боеприпасами и продовольствием. То есть были раза в два больше их дощаников. И Афанасий согласился с их доводами, решив подождать их окончательного решения.

Затем с интересом посмотрел, как мастеровые с бородами белыми от инея, оседающего на них от дыхания на морозце, распускали толстые, заранее заготовленные еще прошлым летом сосновые бревна на судовые доски. «Да, нелегка их работа!» – с сочувствием отметил он.

[34] Пищаль – старинная пушка.

И с тоской посмотрел на реку, покрытую льдом толщиной до трех аршин[35]. Было такое впечатление, что этот лед так никогда и не растает, хотя он, конечно, знал, что это не так. А уставщик Дементий Дубинин заверил, что во второй половине мая река уже полностью освободится ото льда. Стало быть, прикинул Афанасий, поход можно будет начать в начале июня, так как дощаники будут строить на берегу, когда потеплеет, и, только после того, как вскроется река, их спустят на воду.

Но самым нудным делом все-таки оказались расчеты, которые они проводили вместе со стрелецким десятником, своим помощником, в съезжей избе под руководством Макара, приставленного к их отряду дьяком Бастрыкиным. Товары для обмена на мягкую рухлядь с туземцами, провиант для отряда на год, огневые припасы, хозяйственную утварь, свечи и подсвечники к ним… Голова шла кругом.

И наконец, уже вечером, доклад воеводе о проделанной за день работе, а затем, в который уж раз, обсуждение многочисленных вопросов, связанных с предстоящим походом.

Афанасий устало поставил стакан на стол.

– Разбери, Маша, постель. Устал. Прилягу, пожалуй.

– Я мигом, Афоня! – метнулась та к кровати.

Он подошел к разобранной кровати и стал не спеша раздеваться, в то время как Мария в смятении наблюдала за ним.

– А тебе что, нужно отдельное приглашение? – с долей удивления спросил он. – Раздевайся, гаси свечи и прыгай в постель!

Та же с навернувшимися на глаза слезами счастья засуетилась:

– Я сейчас, Афоня! Я сейчас…

Однако, раздевшись и погасив свечи, откинула край одеяла и осторожно, боясь потревожить живот, легла в постель.

– Раньше так прямо-таки впрыгивала, – усмехнулся Афанасий, наблюдавший за ней.

– Погоди, вот разрешусь от бремени, и опять буду впрыгивать к тебе в постель с превеликим удовольствием! – радостно сказала она и притихла, прижавшись к нему. А через некоторое время прошептала: – Я же ведь, Афоня, этой ночью, почитай, и не спала. Все переживала и думала, думала…

Тот усмехнулся:

– Думать вообще-то никогда не вредно. Особливо, когда это идет на пользу. Ну да ладно. Ты, как мне сдается, так и не сказала своим подружкам о предстоящем нашем венчании?

Та, взгрустнув об этом, как о несбыточной мечте, отрицательно покачала головой:

– Ну как же я смогла бы сказать им об этом, придя спать вместе с ними. Ведь так же, Афоня?

– И то, пожалуй, правильно. Еще успеется…

Мария лежала ни жива ни мертва, всей своей изболевшейся девичьей душой предчувствуя, что вот именно сейчас и может решиться вопрос всей ее дальнейшей жизни.

Однако тот, от которого целиком и полностью зависело это, вроде как отодвигал его решение на неопределенное время.

– Толку от меня, Маша, как от мужика сегодня будет мало, – усмехнулся Афанасий и удивился сам себе: – Надо же, даже отказался сыграть пару партий в шахматы с твоим барином. А посему готов ответить на все твои вопросы.

Мария медленно, как бы раздумывая, приподнялась на локте и недоверчиво, почти со страхом, спросила:

– А ты не будешь сердиться?

---

[35] Аршин – русская мера длины, равная 0,71 м.

– Не буду. Обещаю…

И та с радостно забившимся сердцем опустила голову на подушку.

– Хотя, как я припоминаю, – заметил он, – тебя интересовало все, связанное с предстоящим походом на Турухан?

Она молча кивнула головой, боясь выдать свое волнение голосом, который мог бы нечаянно и дрогнуть.

А Афанасий не спеша стал объяснять:

– Поход начнется где-то в начале июня, когда река полностью очистится ото льда и будут готовы все четыре дощаника, рассчитанные на перевозку отряда из тридцати человек: стрельцов и казаков.

– А кто будет у вас за главного? – робко спросила Мария.

– Как это кто? Начальником отряда буду я.

– Ты?!

Буквально огорошенная словами Афанасия, Мария уже не могла слушать его лежа и присела на кровати, не обращая уже внимания на живот, мешавший ей. Известие о том, что ее Афоня будет командовать целым отрядом, взволновало ее.

– И все эти мужики будут слушаться тебя?!

Тот откровенно рассмеялся:

– А ты когда-нибудь видела начальника, которого бы не слушались его подчиненные?

– Ой, Афонечка, милый, мне так страшно стало за тебя…

– Это почему же? – искренне удивился тот.

– Так ведь ты же теперь будешь отвечать за все, что может случиться с твоим отрядом!

– А как же! – снова рассмеялся тот над ее страхами и успокоил: – Я же, Маша, нахожусь на государевой службе, и мне положено отвечать за людей, подчиненных мне. Понимаешь?

Та неуверенно кивнула головой, все же боясь за него, а затем, все еще страшась его возможного гнева, все-таки спросила:

– А что вы будете делать на Турухане?

– Облагать самоедов ясаком, – как о само собой разумеющемся ответил тот.

– А ежели они не захотят платить его, этот самый ясак?

Афанасий усмехнулся:

– Тогда будем заставлять силой.

– Но ведь это же война, Афоня! – ужаснулась Мария, в страхе прижав к груди кулачки. – Тебя же ведь могут тогда и убить!..

– Это навряд ли. У нас ведь ружья, в то время как у самоедов – лишь луки со стрелами. Да вот еще думаю установить на одном из дощаников пищаль.

– А это что такое? – с затеплившейся надеждой спросила она.

– Небольшая пушка, стреляющая железными ядрами, – пояснил он и уточнил: – Правда, не очень большими, всего в фунт[36] весом.

– Ну и что? Поставь, Афонечка, обязательно поставь ее, эту самую пищаль! – взмолилась та.

Он внимательно посмотрел на нее.

– Что это тебя вдруг потянуло на ласкательное обращение ко мне?

Та потупилась.

– Понимаешь, чем ближе время моего разрешения от бремени, тем мне все больше и больше хочется обращаться к тебе именно так. – И как раз в это время ее живот заметно дернулся. – Видишь, как наш Мишутка буянит – стало быть, на волю просится… – счастливо рас-

[36] Фунт – русская мера веса, равная 409,5 г.

смеялась она. – А вот ежели бы ты ненароком и назвал меня Машенькой, то я бы, ей-богу, и не обиделась, – лукаво глянула она на него.

– Всему свое время, – неопределенно заметил Афанасий. – Вот через год вернусь из похода, там и посмотрим…

Глаза Марии наполнились ужасом.

– Через год?! – в смятении воскликнула она. – А как же я, вернее, мы с Мишуткой?!

– Будешь ждать меня, как и все жены служилых людей, – пожал тот плечами.

– Так то же жены…

Афанасий непонимающе посмотрел на нее, а затем рассмеялся:

– Не волнуйся, Маша! Мы же ведь обязательно обвенчаемся с тобой еще до рождения дитя, как я тебе и обещал. Ведь у моего сына должен же быть законный отец. Неужто забыла?

Та горячо обвила его шею руками.

– А жить будете в этой самой комнате. – Мария завороженно посмотрела на него. – Деньги же на ваше пропитание я тебе оставлю, ибо в походе они мне будут не нужны. Ведь там я буду питаться на казенный счет, – усмехнулся он.

– Да много ли нам будет надо, Афоня? Я же ведь питаюсь с барского стола, – пояснила она.

– Э нет, так дальше дело не пойдет! – Мария настороженно посмотрела на него. – Ведь ты же после нашего венчания будешь уже мужней женой, – пояснил уже он. – Стало быть, ты уже не будешь дворовой девкой и быть у кого-то в услужении, а будешь вести наше хозяйство и ухаживать за нашим дитем. А посему без денег тебе никак не обойтись.

– Стало быть, я буду хозяйкой этой комнаты? – с загоревшимися глазами спросила она.

– Конечно, – усмехнулся ее энтузиазму Афанасий.

Мария обернулась, словно пытаясь охватить взглядом всю комнату, хотя в ней была полная темнота.

– Ты что, разве не видела ее? – рассмеялся тот. – Ведь уже, почитай, более полугода убираешься в ней.

Та снисходительно посмотрела на него, как на человека, далекого от жизни:

– Я, Афоня, действительно убиралась в ней, но, заметь, как прислуга, а теперь вот хочу посмотреть на нее уже глазами хозяйки.

«Вот это поворот! – удивился тот. – Похоже, я присутствую при рождении как бы нового человека. Вот, оказывается, что значит для бабы слово “хозяйка”. Ну и ну…»

– А за деньги не беспокойся – лишние не потрачу. И хотя у меня своих-то денег никогда и не было, однако Кузьма, наш дворецкий, иногда посылал меня в лавки в посаде за кое-какими покупками. Так я отчитывалась перед ним за каждую полушку[37].

– Это, конечно, хорошо, но теперь-то у тебя будут совсем другие деньги. Во всяком случае, не медная мелочь. – Мария со страхом посмотрела на него. – Я ведь оставлю тебе все мои деньги, которые есть у меня.

– И где же, Афоня, я буду их хранить?! – упавшим голосом спросила она.

– Разберемся! Но позже. А завтра же не забудь узнать у бабки Фроси стоимость подвенечного платья, хотя бы примерную, и не забудь взять у меня деньги на него, но с избытком – мало ли чего… Время-то не терпит, – и погладил ее по животу.

Мария счастливо рассмеялась:

– Глупенький ты мой. Да ведь деньги-то будут нужны только тогда, когда платье будет уже готово. Да и хорошую портниху притом надо будет еще найти. Ведь далеко не каждая сможет сшить подвенечное платье так, чтобы скрыть особенности моей фигуры, как сказал ты, – пояснила она.

---

[37] Полушка – мелкая медная монета в четверть копейки.

– Это все ваши с Фросей бабьи дела, а вот аванс никогда не помешает. Уж это я точно знаю. Ну все! Давай-ка спать.

– Мне опять идти в девичью комнату? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Еще чего! – с недоумением посмотрел он на нее и, уловив смысл ее вопроса, усмехнулся: – Грей-ка лучше отца своего дитяти. Вы же, бабы, ох, какие жаркие…

Мария прижалась к его сильному, такому дорогому телу и тихо заплакала от счастья.

Наставления

Воевода, вздохнув, поднял голову от шахматной доски.

– Меня, Афанасий, уже не удивляет ничья с тобой. Хотя, признаюсь, хотелось бы все время выигрывать. И не только в шахматы, – коротко улыбнулся он.

– Естественное желание любого игрока, Давыд Васильевич, – согласился тот. – На нем-то как раз и основано вовлечение людей в азартные игры. Ведь те как раз и пытаются непременно отыграться, надеясь на удачу, и в конце концов проигрывают все, что у них есть, а точнее сказать, до нитки.

Воевода снова вздохнул.

– Знакомое дело. У нас здесь, в Мангазее, тоже завелись любители поживиться на игре в зернь. А вовлекают в эту азартную игру в основном стрельцов, обирая их, как ты сказал, до нитки. Они же ведь пришлые, временные люди, присылаемые сюда лишь на год. Оберут их, и будь здоров – ищи-свищи… Пытаюсь бороться с этим злом, однако это дело пытается покрывать Курдюк Давыдов, письменный голова, занимающий со своей челядью другое крыло воеводского двора. Стало быть, непременно имеет какой-то свой интерес в этом деле, – горько усмехнулся он.

Афанасий же молчал, не желая быть вовлеченным в распри местных воевод.

– А твои казачки, как докладывали мне, вроде как не увязли в этом болоте. Небось твоя работа? – удовлетворенно заметил воевода.

– Не только, Давыд Васильевич, – скромно заметил тот. – Это следствие вашего предупреждения, которое вы сделали в день моего приезда в Мангазею. А, как говорится, кто предупрежден, тот вооружен.

Тот усмехнулся:

– Не скромничай, Афанасий. Не зря же говорят, что каков поп, таков и приход. Ну да ладно. Как ты понимаешь, борьба с азартными играми в городе – это моя забота. А тебя упреждаю: ни в коем случае не допусти игры в зернь среди стрельцов в походе! Ибо много бед она может принести служилым людям. Особливо вдали от дома, – уточнил он. – А посему, ежели она возникнет, – пресекай ее всеми возможными мерами. Опирайся при этом на своих казаков – они ведь верные тебе люди.

– Спасибо за очередное предупреждение, Давыд Васильевич! Я непременно так и буду поступать.

Воевода удовлетворенно кивнул головой и задумался. А затем озабоченно посмотрел на него:

– Еще вот что. Стрельцы, как я уже говорил, люди временные: пришли – ушли. А вот твоим казачкам придется остаться на Турухане, видать, надолго. А они-то ведь мужики, и без баб им никак не обойтись. – Афанасий кивнул головой в знак согласия. – А дворовых-то девок там, чай, не будет, – усмехнулся он, а тот на этот раз лишь скромно улыбнулся. – А посему пусть девок-самоедок силком в жены, или как там еще, не берут, а выкупают у родителей так, как у них, самоедов, это принято. Это очень важно, Афанасий.

– Спасибо за наставление – это действительно очень важный вопрос. В то же время об обычаях, принятых у самоедов, я, к сожалению, почти ничего не знаю.

– Ну что же, придется поделиться с тобой своими «глубокими» познаниями, почерпнутыми мною у знающих людей, – улыбнулся воевода. – Обычно у них, самоедов, вопрос о женитьбе сына решает отец. Наметив невесту, засылают сватов, договариваются о размерах выкупа и приданого. А свадебный обряд включает имитацию похищения (умыкания) невесты.

– Понятно… – задумчиво произнес Афанасий, осмысливая слова воеводы. – Никаких сватов, разумеется, не будет, а переговоры о размерах выкупа и приданого придется вести уже мне или, в крайнем случае, самим «женихам» через толмача. А вот с умыканием невесты никаких проблем уж точно не будет, – рассмеялся он.

Рассмеялся и воевода, а затем заметил:

– Теперь, думаю, проблем с твоими казаками не будет. Ежели что будет не так, то тебе подскажет толмач из местных ненцев. Их, кстати, тоже называют самоедами. Ну что же, с твоим воинством вроде бы как разобрались. А вот как обстоят-то твои сердечные дела? – с видимым интересом посмотрел он на Афанасия.

– Как и положено, Давыд Васильевич, в таких случаях! В ближайшее время думаю обвенчаться с Марией. Во всяком случае, подвенечное платье у невесты уже готово.

– Созрел-таки, наконец-то, жених! – рассмеялся тот. – Умыкаешь, стало быть, у меня девку?

– Стало быть, так, Давыд Васильевич!

– Да к тому же еще, заметь, и с приплодом. И как же, однако, она, твоя невеста, будет выглядеть в этом самом подвенечном платье в ее-то, как говорится, интересном положении? – хохотнул тот.

Афанасий улыбнулся:

– Вы знаете, Давыд Васильевич, очень даже и неплохо. Видать, попалась опытная портниха.

– Это хорошо. А не думаешь ли ты, часом, зажать свадьбу? – ехидненько спросил тот, испытующе глянув на Афанасия.

– Только об этом и думаю все дни и ночи, аж голова раскалывается! – рассмеялся тот. – Конечно, будет свадьба, Давыд Васильевич! Вот только приглашенные на нее устроят ли вас?

– И кто же это будет на ней, если не секрет?

– Да какой там секрет, – усмехнулся Афанасий и стал загибать пальцы: – Подруги Маши, ваши, кстати, дворовые девки; Кузьма, ваш же опять дворецкий; ну и, конечно, мои верные казаки. Ну и как, Давыд Васильевич?

Тот усмехнулся:

– Ну что же. Будет повод пообщаться, так сказать, с народом… А для равновесия, что ли, не пригласить ли тебе, Афанасий, и дьяка Бастрыкина?

– А как быть в таком случае с письменным головой Давыдовым? – поинтересовался тот.

Воевода зло глянул на него:

– Обойдется! – сказал, как отрезал.

«Да у них, видать, все не так-то уж и просто… – вспомнил Афанасий об их разговоре по поводу азартных игр. – Ну да ладно, это их, воеводское, дело», – благоразумно решил он, а вслух заметил:

– В этом случае было бы, пожалуй, неплохо, опять же для равновесия, – улыбнулся он, – пригласить и Макара, писца съезжей избы, которого Бастрыкин, кстати, приставил к нашему будущему отряду?

– Тебе виднее… – как-то безразлично ответил воевода, занятый своими мыслями.

Афанасий тоже задумался и наконец решился:

– Не секрет, Давыд Васильевич, что Маша уже на сносях. – Тот понимающе усмехнулся. – А посему не согласились бы вы быть крестным отцом нашего ребенка?

Воевода пристально посмотрел на него, взвешивая сделанное ему предложение.

– Ты, Афанасий, сын боярский, и потому тут нет вопросов. А вот Мария – моя же дворовая девка…

Тот, сдерживая себя, твердо посмотрел ему в глаза:

– После нашего с ней венчания она станет женой сына боярского, а не вашей дворовой девкой! Впрочем, вам, воеводе, виднее… Хотя должен отметить, что мы с вами сейчас находимся не в Первопрестольной, а на самой что ни на есть окраине России, аж за самим Камнем[38].

– Не кипятись, Афанасий! Ты совершенно правильно отметил наше сегодняшнее местонахождение. Ведь, будь мы в Москве, у тебя бы, я уверен, даже не появилось бы и самой мысли обратиться ко мне с подобной просьбой. Однако мы с тобой сейчас действительно находимся здесь, в Мангазее, и готовим одно общее дело по продвижению границ Святой Руси еще дальше на восток. А посему я даю свое согласие быть крестным отцом твоего ребенка.

– Большое спасибо, Давыд Васильевич! Это большая честь для меня! И не только…

– Чего же не договариваешь о будущей жене сына боярского?

– Главное то, что вы и так все прекрасно поняли.

– Ну и ершист же ты, да ведь и не по чину…

Однако, вспомнив о княжеском подарке десятнику, подумал о том, кем может стать тот после окончания похода на Турухан, и решил не особо подчеркивать своего несомненного превосходства над ним во всех отношениях. И тут же усмехнулся про себя: «А вот по поводу игры в шахматы этого никак не скажешь… Умница».

– Давай-ка лучше сыграем еще одну партию в шахматы. Может, дай Бог, и отыграюсь.

– Как говорится, на Бога надейся, да сам не плошай! – улыбнулся Афанасий.

– А вот это мы сейчас как раз и проверим, – назидательным тоном сказал воевода, разворачивая шахматную доску.

Последний день

Афанасий резко открыл дверь и вошел в комнату. К нему сразу же кинулась Мария.

– Тише, тише, Афонечка! – шепотом попросила она. – Ненароком разбудишь Мишутку…

Тот глянул на сына, спавшего в кроватке, и обнял ее.

– Как себя чувствуешь, Машенька?

Та прямо-таки засветилась от его ласкательного обращения к ней.

– Хорошо, хорошо, Афонечка! А ты что это сегодня так рано домой вернулся?

– Да так, забрать кое-какие вещи…

– Это какие еще вещи? – насторожилась она.

И как ни старался Афанасий оттянуть неизбежное, однако отступать дальше было уже некуда.

– Да все мои вещи, какие есть, Маша. Сегодня же со своим отрядом ухожу в поход.

Она вскрикнула и, испуганно оглянувшись на детскую кроватку, чуть было не лишилась чувств. Однако Афанасий поддержал ее и усадил на стул.

– Как же так, милый?! – чуть слышно прошептала она. – Почему вот так, сразу?

Он поставил рядом стул и тоже присел на него, уже сожалея, что не сказал ей об этом заранее. «Да кто его знает, как лучше? – подумал он. – А то бы дергалась до сегодняшнего дня, переживая. А вот так получилось, как обухом по голове».

– Извини, милая. Честно говоря, не хотел волновать тебя заранее. А сейчас весь мой отряд уже на пристани, готовит дощаники к походу. Так что давай-ка, хозяйка, собирать вещи.

– А как же они там без тебя? – заволновалась она.

[38] Камень – Уральские горы.

– На пристани Степан Гурьянов, стрелецкий десятник, мой помощник, за старшего. Так что не беспокойся. – И, видя, тем не менее, сомнение в ее глазах, пояснил: – У меня же ведь здесь лишь у одного из всего отряда семья. Так должен же я с ней проститься?

– Конечно, должен, Афонечка! Конечно, должен! – засветилась та от счастья. – Я сейчас, дай только немного приду в себя…

Когда все вещи были собраны, получилось три больших узла.

– Не думала, что будет так много, – озадаченно заметила Мария, глядя на них.

Афанасий же только усмехнулся:

– Чему удивляешься? Одной только зимней одежды сколько набралось…

– И то правда, – согласилась та и вдруг встрепенулась: – А как же ты их дотащишь-то до пристани?

– Пойду налегке, а за ними пришлю своих служивых. Кстати, вместе с ними и сама придешь с Мишуткой проводить меня.

– Ой, Афонечка, милый мой! – чуть было не заголосила она, но, метнув испуганный взгляд на кроватку со спящим в ней сыном, вовремя понизила голос. – И как же это я целый год не увижу тебя, не обниму?

– Привыкай, Маша, коль за служивого замуж вышла. Чай, не в последний раз еще провожать будешь…

Та, по-бабьи прикрыв рот рукой, скорбно посмотрела на него: «Господи, да хватит ли мне сил еще-то хоть раз проводить столь дорогого мне человека в поход?»

Афанасий же, слегка встряхнув, протянул ей кожаный мешочек, в котором что-то звякнуло:

– В нем все наши деньги.

При слове «наши» та чуть было не расплакалась от счастья и несмело попросила:

– А можно мне посмотреть на них?

– Отчего же? – удивленно пожал тот плечами. – Ведь они же будут у тебя в течение целого года.

– Какой же ты непонятливый у меня, Афонечка, – улыбнулась Мария. – Ведь это же будет потом, а мне очень хочется глянуть на них прямо сейчас, да еще и при тебе… Вон какой он тяжеленький, – удовлетворенно заметила Мария, развязывая ремешок, и, заглянув в него, ахнула:

– Да там же ведь одно серебро!

Афанасий хмыкнул:

– Ты так удивилась, как будто увидела в нем лишь одно золото… Ну ничего. Вот вернусь из похода, еще поболее будет. А сейчас возьми из них малость на первые расходы, а остальные схорони.

– А где же, Афонечка? – растерянно спросила она, прижав к груди мешочек с деньгами.

Тот осмотрелся.

– Да вон, в кроватке Мишутки. Пусть мой наследник и охраняет их, – улыбнулся он.

– Ты серьезно или шутишь?!

– Серьезнее некуда, Маша. В случае чего никому ведь и в голову не придет искать их именно там, – пояснил он.

Та умоляюще посмотрела на него:

– Мне страшно, Афонечка! У меня же ведь, как я уже говорила тебе, никогда не было собственных денег. Никаких. Ты-то хоть понимаешь это?! А тут же ведь целое состояние!

– Ну это ты уж слишком преувеличиваешь. Деньги, конечно, но не такие уж слишком и большие. Когда же вернусь из похода, то, как уже говорил тебе, их будет еще больше – сразу получу жалованье за целый год, – пояснил он.

Мария подошла к кроватке сына и осторожно, чтобы ненароком не разбудить его, подсунула мешочек под матрас у его изголовья. Затем обернулась к Афанасию, желая убедиться: правильно ли она сделала? И когда тот утвердительно кивнул головой, нежно прошептала:

– Охраняй, сыночек, наши денежки, как тебе наказал папка…

Тот крепко обнял ее и тут же почувствовал непреодолимое желание. «Да что же это я, в конце концов, железный, что ли?» – промелькнуло в его затуманенной голове, и, легко подхватив ее на руки, отнес на кровать.

– Дай я хоть постель-то разберу, милый, – чуть ли не простонала она, задыхаясь от предвкушения желанной близости.

– Уже некогда, – прошептал он с придыханием…

Афанасий устало сел на край кровати.

– Сдается мне, дорогая, что, когда вернусь из похода, у Мишутки будет уже и сестренка… – сказал он, усмехнувшись. – Уж больно жарко ты меня обнимала…

Мария, приподнявшись, обняла его:

– Так ведь это же в последний раз перед долгой разлукой, милый… А насчет дочки – все, конечно, может быть. Хотя бабка Фрося и присоветовала мне кое-какие снадобья… – застенчиво заметила она.

– Ну это уж ваши с Фросей бабьи дела… – Мария смущенно опустила глаза. – Ох, уж мне эта повитуха, – покачал тот головой и усмехнулся, вспомнив, как та чуть было не лишилась чувств, когда он после успешных родов Марии протянул ей в качестве благодарности за рождение сына серебряный целковый[39].

– Что это ты заулыбался, Афонечка? – обеспокоенно спросила она.

Тот, несколько удивленный ее вроде бы беспричинным беспокойством, пояснил:

– Да вспомнил о том, как разволновалась бабка Фрося, когда я дал ей целковый после твоих родов.

Мария облегченно рассмеялась:

– Еще бы! Да ведь для нее же это очень большие деньги, потому как так же, как и я, она – дворовая, деньги которой не положены. – И с горделивыми нотками в голосе добавила: – Она сама сказала мне, что, мол, у меня очень даже щедрый муж.

– Надо же, оказывается, какая неслыханная щедрость! – со вздохом покачал он головой. – Эх, нищета…

Встав с кровати, подошел к кроватке сына. Поправил сбившееся одеялко. Подошедшая Мария прижалась к нему своим гибким телом, счастливо глядя на его просветлевшее лицо, которого таким вроде бы еще и не видела.

– Все! Пора, Маша… Береги сына. Жду тебя с ним на пристани.

* * *

Пристань была полна народу. У четырех дощаников, причаленных к пристани в ряд, спиной к реке в две шеренги были построены казаки и стрельцы отряда. Перед ними, на некотором удалении, стоял воевода, который выделялся своим богатым одеянием: красный бархатный кафтан с опушкой по подолу и воротнику соболиным мехом, кушак и петлицы на груди расшиты золотой нитью; на соболиной шапке речным жемчугом крупно белел вышитый византийский двуглавый орел. Рядом с ним стоял Афанасий, а чуть сзади них – Мария с ребенком на руках.

– Ну что же, Афанасий, обо всем мы с тобой уже переговорили, так что с Богом!

[39] Целковый – то же, что рубль.

– Спасибо вам, Давыд Васильевич, за все!

– Полноте, Афанасий! Ведь общее дело делаем во славу Руси нашей, – с чувством произнес тот и осенил его крестным знамением.

Афанасий повернулся к Марии, которая со смешанным чувством тревоги и гордости за мужа смотрела на него. Поцеловал сына, который своими ручонками тут же попытался вцепиться в его бороду, затем жену, которой хотелось со всей женской страстью прижаться к нему, но она тем не менее помнила о том, что кругом полно людей, и потому лишь сдержанно ответила на его поцелуй. Затем повернулся к воеводе:

– Прошу вас, Давыд Васильевич, позаботиться о моей семье. В случае чего, конечно…

– Не беспокойся, Афанасий! Как-никак, а я же все-таки крестный отец твоего первенца. Или запамятовал? – улыбнулся воевода.

– Такое не забывается, Давыд Васильевич!

И еще раз глянув на Марию и сына, повернулся, и, сделав пару шагов вперед, скомандовал:

– Отряд! По дощаникам!

Затем направился к головному, на носу которого торчал ствол покрытой кожаным чехлом пищали.

– Доброго пути!

– Возвращайтесь с победой!

– С вами Бог! – раздавались громкие напутствия из толпы провожающих.

И вдруг раздался торжественный колокольный звон.

Ратники в едином порыве, воодушевленные этим Божьим напутствием, разом сдернули головные уборы и истово перекрестились.

Афанасий, надев кунью шапку с бархатным верхом, в последний раз глянул на Марию, которая со слезами на глазах, прижав левой рукой к своей груди сына, правой отчаянно махала ему. «Прощайте, дорогие мои!» – прошептал он, махнув ей рукой, а затем громко подал команду:

– Отчаливай!

Ратники оттолкнули дощаники от берега шестами, а гребцы на их носовой части налегли на весла – ведь они должны были плыть против течения, которое хотя, конечно, и ослабело после бурного весеннего паводка, однако было еще довольно сильным.

– Ставь паруса! – громко подал Афанасий новую команду, вспомнив добрым словом кормщика Тихона.

И когда те наполнились попутным ветром, выгнувшись дугами, дощаники медленно поплыли вдоль берега, где течение было более медленным, чем на стрежне, вверх по реке.

Глава 3
Путь к волоку

Дощаники прошли устье речки Мангазейки, и златокипящая Мангазея осталась за их кормой. Впереди их ждали неведомые пути к Турухану.

Вперед, к Худосею!

Проводник Копылов, назначенный в отряд по рекомендации воеводы Жеребцова и уже побывавший на Турухане, а летом прошлого года вернувшийся оттуда в Мангазею, повернулся к Афанасию, стоявшему вместе с толмачом тут же, на носу дощаника у пищали:

– Как думаешь, Савельич, а не перейти ли нам сейчас к другому берегу реки?

Тот удивленно посмотрел на него:

– А зачем это, Тимофей?

– А затем, что вскоре Таз-река будет поворачивать вправо и ее стрежень подойдет близехонько как раз к берегу, вдоль которого мы сейчас и идем. А это будет означать, что ее течение здесь усилится, препятствуя продвижению наших дощаников. В то время как у того берега оно будет как раз наоборот, поменее, чем у нашего даже и сейчас.

Афанасий задумался, а затем возразил:

– Ты, Тимофей, конечно, прав, но не совсем. – Тот непонимающе посмотрел на начальника отряда. – А дело в том, – пояснил он, – что после поворота реки попутный ветер станет для нас, почитай, почти что боковым и наши дощаники уже не смогут тогда идти под парусами, потому как нашим парусам нужен лишь способствующий, то бишь попутный, ветер. – Тот глянул на парус, выгнутый попутным ветром, и согласно кивнул головой. – И придется нам тогда идти вверх по реке, уже отталкиваясь от дна шестами, благо что у берега, слава Богу, не так уж и глубоко. А вот идти против течения на наших немногих веслах будет себе дороже. И главное, в этом случае нам волей-неволей придется снова возвращаться к этому же берегу, чтобы попасть в первый большой правый приток реки, ведущий к волоку на Турухан, которым вы возвращались в Мангазею. – Тот снова согласно кивнул головой. – Но, заметь, преодолевать стремнину придется уже лишь на одних веслах, и потому отнесет она нас назад своим быстрым течением на версту, а то, глядишь, и на все две. А, кроме того, ты ведь говорил, что Таз-река часто разветвляется на протоки, и как нам, спрашивается, в этом случае перейти на противоположный берег? А посему нам надо держаться именно этого берега, чтобы не пропустить этот самый нужный приток, а затем не плутать по реке туда-сюда в поисках его.

Тот удовлетворенно глянул на него:

– Теперь-то я окончательно уверился в том, что наш отряд, несмотря ни на что, благополучно доберется до Турухана.

– Это почему же? – заинтересованно спросил Афанасий.

– Да потому, что у тебя, Савельич, голова-то светлая!

Ивашка, молодой казачок, старавшийся все время находиться поближе к начальнику отряда, восторженно посмотрел на него.

Тот же скептически усмехнулся:

– И на том, Тимофей, спасибо… – А затем поинтересовался: – А как, кстати, называется этот самый приток, ведущий к волоку?

Проводник смутился:

– Честно говоря, не знаю, Савельич. Ведь когда мы спускались от волока по нему к Тазу-реке, то не встретили на его берегах ни одного чума самоедов.

– Худосеем прозывается эта речка, – пояснил молчавший до сих пор толмач.

– Откуда же знаешь, Ябко? – с некоторым недоверием спросил Афанасий.

– Когда мы уже давно, когда я еще был мальчонкой, – и вопросительно посмотрел на него: – Я понятно говорю, начальник? – и когда тот согласно кивнул головой, продолжил, – кочевали своим родом по тундре со стадом олешек, то один раз и вышли к этой самой широкой речке, через которую переправиться на другой берег уже так и не смогли. И наш старейшина называл ее именно так – Худосей. А он ведь не в первый раз бывал у ее берегов, – пояснил толмач.

– Спасибо тебе, Ябко, за подсказку!

– Да не за что, начальник! – ответил тот и, польщенный его похвалой, расплылся улыбкой на своем раскосом лице.

– А вот скажи-ка мне, Ябко, зачем это вы перегоняете стада оленей на такие большие расстояния?

Тот непонимающе посмотрел на него:

– Так ведь там, ближе к Студеному морю, летом мало гнуса. – Афанасий понимающе кивнул головой и усмехнулся про себя, вспомнив, как дикий олень спасался от гнуса на берегу Тазовой губы. – Да к тому же и ягель там в это время посочнее будет. А осенью, – продолжил Ябко, – перегоняем олешек обратно, когда уже и здесь становится его меньше.

– Еще раз спасибо тебе, Ябко, за подсказку, – и повернулся к проводнику: – Ну что же, Тимофей, стало быть, и будем с Божьей помощью добираться до этого самого Худосея.

– Стало быть, так, Савельич, – согласился тот.

* * *

Солнце стало клониться к горизонту, хотя это ничего особенно и не значило – уже был полярный день.

– Пора бы и пристать где, Тимофей, а то мужики уже натолкались шестами, хоть и работали по переменке. Надо бы подкрепить их силы добрым обедом да дать им хоть самую малость и передохнуть.

– Вскоре, как я помню, должна где-то здесь впадать в реку не то речушка, не то большой ручей. Вот там, думаю, и будет самое удобное место для остановки отряда.

– Хорошо. Смотри только, не прозевай это самое место.

– Как можно, Савельич?! – укоризненно посмотрел тот на него. – Я хоть и не толкаюсь шестом, как твои казачки, а тоже был бы не против как следует перекусить, чем Бог подаст.

– Вот она, Савельич, эта самая речушка! – радостно воскликнул Тимофей, показывая рукой в сторону открывшегося ее неширокого устья. – Стало быть, все-таки не запамятовал! – радовался он.

– Молодец, Тимофей! Место для стоянки действительно замечательное. – И крикнул Игнату, державшему на корме дощаника в руках рулевое весло: – Как только поравняемся с устьем этой речушки, то, не мешкая, поворачивай прямо в него!

– Будет сделано, Савельич! – бодро ответил тот, радуясь остановке и скорому уже обеду.

Казаки, радуясь скорой остановке и возможности передохнуть, дружно налегли на шесты, и, когда их дощаник вошел в устье речушки, за ним послушно последовали и остальные.

Афанасий оглянулся и, убедившись, что все четыре дощаника уже тоже втянулись в ее устье, крикнул Игнату с кормовым веслом:

– Причаливай!

А затем, когда под днищем зашуршал песок, приказал казакам:

– Держите дощаник на месте шестами! А ты, Ивашка, вбей на берегу два кола для чалок[40]!

Молоденький казак тут же выпрыгнул из дощаника с двумя заранее заготовленными кольями и ловко вбил их обухом топора в прибрежную, уже более или менее оттаявшую после зимней стужи землю. А двое других служивых тут же накинули на них петли чалок и подтянули ими дощаник бортом к самому берегу.

– Хорошо-то как! – воскликнул Афанасий, шагнувший на берег и всей грудью вдохнувший свежий воздух. – Доброе место выбрал, Тимофей!

– Доброе-то доброе, – буркнул тот, стараясь не выдать радость от похвалы начальника, – да вот только гнус треклятый поедом есть будет. Ведь здесь, в затишье, для него прямо-таки что ни на есть рай земной.

– Не бурчи! – упрекнул его Афанасий. – От этого гнуса меньше никак не станет, – и подозвал к себе стрелецкого десятника, когда и его дощаник пристал к берегу: – Я, Семен, пожалуй, пройдусь вдоль берега, посмотрю, что там да как, а ты проследи, чтобы в костры поболее лапника подкидывали для дыма, не то от гнуса жизни не будет. Шатры-то ставить, пожалуй, не будем, потому как остановка будет короткой. – Тот понимающе кивнул головой. – И распорядись перегородить речушку сетями – дай Бог, какая рыба ненароком в них и попадет.

Десятник оживился:

– Это было бы очень даже здорово, Савельич! – мечтательно произнес он. – Ведь наши мужики-кашевары такую бы ушицу из нее сварганили – пальчики оближешь…

– Вот и я о том же, – улыбнулся тот его настрою. – А мы с тобой, Тимофей, – обратился он к проводнику, – тем временем оглядимся и посмотрим, что там делается-то в округе.

Когда они отошли чуть в сторону от стоянки, Тимофей предупредил Афанасия:

– Подожди, Савельич, я сейчас…

Подошел к молодому кедру, росшему у самой воды на небольшом бугорке, и, срезав ножом две ветви, одну из них протянул Афанасию.

– Это еще зачем? – удивился тот.

– От комаров и мошки будем отбиваться, – весело пояснил Тимофей. – Мы только этим и спасались от гнуса еще в прошлом году, когда возвращались с Турухана в Мангазею.

– Но зачем же нужно было обязательно портить кедр? Ведь это же самое дорогое и к тому же весьма редкое дерево здесь, в заполярной тундре, – с укором сказал Афанасий.

Тимофей усмехнулся:

– Умный ты мужик, Савельич, да, видать, не очень! Глянь-ка лучше вокруг: березки и тальник только-только начали распускаться, да и у лиственницы хвоя-то однолетняя – вишь, иголочки-то не ней еще толком-то и не выросли. Стало быть, хочешь почти голыми ветками гнус разгонять? – хохотнул он. – Так что бери ветвь, не упирайся. Будешь еще благодарить меня за нее. А за кедр не печалься – вырастет, и лет эдак через сто станет ох каким могучим красавцем.

Афанасий только покачал головой, оценив, тем не мене, практическую хватку проводника, и они не спеша, обмахиваясь кедровыми ветками и осматриваясь по сторонам, пошли по берегу вдоль реки.

– А тропинка-то натоптана, Савельич, – озадаченно отметил Тимофей, – хотя никого вроде бы вокруг и не видно.

Тот усмехнулся:

[40] Чалка – на речных судах так называются швартовы, которыми те крепят к пристани, берегу или другому судну.

– Как это никого не видно? Смотри, сколько одних мышей-то шастает под ногами… А вон, глянь, юркие пестрые лемминги[41] то и дело проскакивают перед нами в заросли кустарника.

– Это, конечно, так. Мышей в этих краях действительно, видать, ох как много. Стоит хотя бы только вспомнить, как в Мангазее шустрые пасюки по лабазам шныряют, что твои серые волки…

Афанасий рассмеялся от его столь образного сравнения.

– Однако пусть мышей будут и целые полчища, но такой тропы им все равно не протоптать, – хитровато посмотрел проводник на него.

– А ты, Тимофей, соображай! Раз есть мыши, то непременно должны быть и лисы поблизости. Не песцы, конечно, которых, как сказывали мне промышленники в Мангазее, поболее будет в северной тундре, у берегов Студеного моря. А вот рыжие, так те точно должны быть здесь. Не пропадать же на самом деле таким харчам, – хохотнул он. – Окромя прочего, Ябко упоминал и о зайцах, которых здесь во время стоянки их рода было во множестве. Стало быть, таятся по кустам и волки, выслеживая их. Да и олени должны ходить испить свежей водички из речки, а не из озерец стоялых. Диких-то тут может быть, конечно, и маловато, а вот домашних будет множество, когда самоеды здесь стойбище свое, кочуя по тундре, поставят. Так что зверья разного здесь живет вполне предостаточно. А потому-то испокон веков эта тропа и не успевает зарасти.

– Может быть, и так, Савельич, – согласился тот. – Вон сколько и разной птицы в округе. Гляди, как куропатки-то боярынями московскими вперевалку бегают.

Афанасий усмехнулся:

– Ты-то сам этих боярынь-то московских хоть видел?

Тот рассмеялся:

– Да нет, конечно. Я же из поморов буду, а посему все более по берегам Студеного моря обретался. Просто знающие люди в Холмогорах так говорили.

В это время над ними пролетела стайка куликов-воробьев, издавая свист своими крыльями.

– Ишь, разлетались, окаянные, – незлобно заметил Тимофей. – У всей живности, стало быть, свои заботы…

– Уж это точно. Всем прокорм как-никак требуется, – согласился Афанасий.

А через некоторое время они застыли на месте: серая утка-шилохвостка со своим выводком на некотором удалении пересекала тропу прямо перед ними, продираясь сквозь траву к речной воде. Однако, увидев людей, она предупреждающе громко крякнула, и утята разом тут же присели, сжавшись в желтые, в коричневые крапинки, комочки.

– Ишь ты, вроде как и спрятались… – усмехнулся Тимофей.

А утка, выбежав из травы на тропу, вытянула в сторону как бы подбитое крыло и, прикидываясь подранком, прихрамывая, с шумом бросилась в траву и, постоянно крякая, старалась привлечь к себе внимание.

– Уводит нас с тобой от выводка, – потрясенный ее самопожертвованием, тихо сказал Афанасий.

– Мать… – так же тихо сдавленным голосом произнес Тимофей. – Эта никогда не предаст и не бросит свое потомство…

Афанасий удивленно посмотрел на него. Оказалось, что в этом суровом с виду человеке, скитальце и добытчике, скрывалась добрая и ранимая душа. И еще что-то сугубо личное про-

[41] Лемминги – небольшие мышевидные грызуны размером немного меньше крысы, с коротким хвостом. Их называют иначе северными пеструшками, так как они имеют пеструю окраску шерсти – желтовато-бурую с темными и светлыми пятнами.

звучало в его голосе. «Ну и ну…» – только и смог он подумать про себя, сделав такое неожиданное и очень важное для себя открытие.

А Тимофей неожиданно и так резко свистнул, что утята врассыпную и косолапо кинулись с тропы в траву.

Пройдя еще с полверсты, на ровной сухой площадке увидели шесть нарт с увязанными на них тюками поклажи. Рядом с ними были отчетливо видны темнеющие на мху следы костров стоявших здесь когда-то чумов.

– Надо же! – удивился Афанасий и огляделся вокруг своими зоркими глазами воина. – А никаких людей-то и не видно…

– А их здесь и нет, – с видом знающего человека пояснил Тимофей. – Здесь было зимнее стойбище самоедов, а теперь они погнали свои стада оленей на север, оставив ненужные зимние вещи. Зачем их, спрашивается, тащить с собой? А осенью станут гнать оленей обратно на юг и снова вернутся сюда. – И, видя немой вопрос в глазах Афанасия, заметил: – Не волнуйся, Савельич, никто этих вещей не возьмет – в тундре живут честные люди.

Тот усмехнулся:

– Можно подумать, что самоеды живут прямо-таки по библейским заповедям!

– Не совсем, конечно, так, – рассмеялся Тимофей, – но вот оставленные в тундре вещи уж точно никто не возьмет.

– Ну да ладно. С нартами вроде как разобрались. – И вдруг рассмеялся: – А вот ты удивлялся, почему это тропа вдоль реки так утоптана. В то время как рядом бродило целое стадо оленей.

– Которые только и делают, что бегают к реке, чтобы напиться водички, а не есть ягель, который как раз и хорош-то на полянах, а не у реки, – усмехнулся Тимофей.

– Не только, – заметил Афанасий и рассказал о том, как олень спасался от гнуса, целиком забравшись в воду.

– А ты, Савельич, часом, не врешь? Небось и выдумал-то все ради потехи…

Тот, обмахнувшись веткой от назойливого гнуса, с усмешкой посмотрел на него:

– Да нет, не вру, Тимофей. Своими глазами видел на берегу Тазовой губы, когда шли на коче из Тобольска в Мангазею. Одни только рога да ноздри и торчали из воды у того бедолаги.

– Надо же… Хотя, признаться, ежели уж очень-то жить захочешь, то не только в воду залезешь…

– Ну ладно, философ, – заметил Афанасий, – давай-ка двигать назад, а то можем так и без обеда остаться.

– Ты-то, Савельич, чего это так беспокоишься, – усмехнулся тот. – Ведь тебе как начальнику завсегда лучший кусок оставят.

– Так я же ведь о тебе-то беспокоюсь, дурья твоя голова!

– Ну, ежели так, – улыбнулся тот, – то давай и взаправду поспешать назад будем…

* * *

Едва они подошли к стоянке, как к ним устремился стрелецкий десятник и возбужденно воскликнул:

– Ты знаешь, Савельич, наши рыбачки вот такого осетра, – он раскинул руки в стороны, пытаясь показать его размеры, – поймали! Да еще и нескольких сигов в придачу со стерлядкой! Так что осетровой ушицы на весь отряд в три котла хватило!

– Ай да молодцы, рыбачки! – обрадовался и Афанасий. – Это же надо – ушицы из осетра отведаем! – И, загораясь охотничьим азартом, посоветовал: – Ты, Семен, передай своим рыбачкам, чтобы после ушицы, еще до отдыха, они еще раз поставили в речку сети. А после отдыха и

проверим их. Может, дай Бог, и еще раз повезет. Ведь всякое бывает… – Тот согласно кивнул головой. – К тому же сейчас уже полярный день, и мы без ущерба для дела можем задержаться здесь еще на некоторое время. А запас, как известно, карман не тянет.

– Золотые слова, Савельич! – вступил в разговор Тимофей, предвкушая редкое лакомство. – Не может такого быть, чтобы больше не повезло.

Афанасий критически глянул на речушку:

– Толком-то и не поймешь, то ли речка, то ли ручей, а, глянь-ка, какое богатство в нем обретается… Ведь, по словам опытных рыбаков, осетры водятся в довольно большом количестве лишь в Мангазейском море и уже в меньшем – в нижнем течении Таза-реки. Ведь даже у берегов Мангазеи они очень редко попадают в их сети. Так как же тогда эта рыбина оказалась здесь, в этой забытой Богом речушке, вдали даже от Мангазеи?! – растерянно воскликнул он.

На что Тимофей заметил:

– Однако ведь те же рыбаки говорили, что во время нереста осетры нередко уходят метать икру в верховья реки. Так что эта самая рыбина и может как раз быть одной из них.

Афанасий укоризненно посмотрел на него:

– А разве тебе не известно, что нерест у рыб в этих местах начинается несколько позже?

– Известно, конечно. Однако вот только одна незадача, – заметил Тимофей.

– Какая? – одновременно заинтересованно спросили Афанасий и Семен.

Тот задумчиво посмотрел на стрелецкого десятника:

– А скажи-ка мне, Семен, добытая вами рыбина была самкой или самцом?

Тот откровенно рассмеялся:

– Да кто же в них-то разберется? Это жеребца я враз от кобылы отличу по известным тебе признакам, – хохотнул он, – или, скажем, селезня от утки, не говоря уж о петухе и курице, а вот с рыбами что-то никак у меня не получается…

Улыбнулся и Афанасий.

– Тогда уточняю свой вопрос, – невозмутимо произнес Тимофей, не обращая внимания на их смешки. – В ней, в этой самой рыбине, была икра или молоки?

Семен задумался.

– Да вроде как не было ни того ни другого… – неуверенно ответил он и, хлопнув себя ладонью по лицу, показал ее уже со следами крови.

– Так вроде или точно? – настаивал Тимофей, не обращая внимания уже на ладонь десятника.

– Точно, Тимофей, пустая была рыбина. Одни кишки в утробе, и ничего более. А тебе-то что от этого?

Тот же, обмахнувшись веткой от надоедливой мошкары, таинственно улыбнулся:

– А то, что теперь мне все ясно. – Афанасий с видимым интересом глянул на него, явно заинтригованный его последними словами. – Дело в том, – стал пояснять Тимофей, ставший вдруг центром внимания всей троицы, – что сейчас у рыб, как мне говорили те же рыбаки, подходит время нереста, на который они и пойдут в верховья Таза и его притоков. Стало быть, эта рыбина, поднявшись в половодье вверх по этой речушке, отложила икру где-то в ее верховье в каком-нибудь подходящем для этого небольшом омуте, где и вода будет потеплее, чем здесь, да и поспокойнее, а теперь, сделав дело, возвращалась назад в Таз-реку.

Афанасий с усмешкой посмотрел на него:

– Но ведь тебе же должно быть известно, что для продолжения рыбного рода эту самую икру надо еще непременно покрыть и молоками. Стало быть, эта рыбина никак не могла быть здесь одна. Мыслишь, Тимофей?

– Да мыслю, Савельич… Однако вторая рыбина могла уже успеть и уйти в Таз-реку. А могла и не успеть, – заметил тот.

– Ну и что из этого? – нетерпеливо спросил Афанасий, пытаясь понять ход его мысли.

– А то, что вот эта рыба, которую поймали наши умельцы, была вроде бы как разведчиком. И теперь все остальные рыбы, которых будет множество, будут идти на нерест только вверх, все время вверх по ее течению, попадая в расставленные нами сети. – Тимофей победоносно посмотрел на них. – Стало быть, теперь успех нашей рыбалки будет вне всяких сомнений.

Афанасий порывисто обнял его.

– Спасибо тебе, Тимофей, за твою светлую голову! – И посмотрел на стрелецкого десятника. – Если наша рыбалка, как сказал Тимофей, будет удачной, то можно будет задержаться здесь и на несколько дней, разбив стан и поставив шатры. Как твое мнение, Семен?

– Да такое же, как и твое, Савельич. Ведь будет гораздо приятнее побаловаться свежей осетриной, чем давиться солониной, туды ее в качель, – улыбнулся он. – Думаю, что и весь отряд будет того же мнения, можешь не сомневаться.

– К тому же, – заметил Афанасий, – и сиг тоже очень даже неплохая рыба, хотя и поменее осетра будет. Да и стерлядка, признаться, далеко не последней рыбой будет. Так что будем ждать результата очередного замета. А теперь давайте-ка двигаться к кострам да отведаем ушицы из той рыбины, что Бог послал, а то у меня уже прямо-таки слюнки текут.

Афанасий с Тимофеем подсели к костру с подветренной стороны, куда ветерком тянуло легкий дымок, как, впрочем, это сделали и все казаки.

– Дюже, однако, гнус дым не уважает, – заметил костровой. – Хоть, конечно, и нам самим не очень-то сладко по причине его едкости для глаз. Но зато без энтой осточертевшей мошкары, будь она неладна. Благодать!.. Дайте-ка я, мужики, еще лапника подкину в костер-то маненько. Вы-то не против того будете?

– Давай, давай, Ипполит, подбрасывай лапник, а то ведь и начальство как раз возвернулось.

Подброшенный в костер лапник густо задымил, разъедая глаза.

– Потерпи, Савельич, маненько, а затем пообвыкнешь, – заботливо посоветовал опытный Ипполит. – Зато вокруг никакой нечисти виться не будет. Красота, да и только!..

– Да уж, намахались мы с Тимофеем ветками, отгоняя от себя гнус, будь он неладен! – рассмеялся Афанасий.

– Это уж точно! – подтвердил проводник.

– И что же там, Савельич, вокруг-то деется? – полюбопытствовал казак, бывший по возрасту старше остальных.

– Да ничего особенного, Игнат. Тундра как тундра… Вот только в версте отсюда обнаружили старое стойбище самоедов, у которого осталось шесть груженных тюками нарт.

Ябко, толмач, сразу же насторожился.

– И что, людей вокруг никого? – удивленно спросил один из казаков.

– Ни души, Поликарп!

– Вот чудеса-то…

– И что же, никто их так и не тронет? – недоверчиво спросил другой.

– Нет, конечно, Степан, – заверил того Афанасий и повернулся к толмачу: – Объясни им, Ябко.

Теперь уже все дружно повернулись к тому.

– Так делают все тундровые ненцы, которых ваш начальник правильно назвал самоедами. К лету они перегоняют стада олешек поближе к Студеному морю, где ягель погуще да и понежнее будет, а все ненужные зимние вещи оставляют на грузовых нартах у старого стойбища. Когда же к зиме они возвращаются назад, то забирают эти нарты с вещами и ставят новое стойбище, но подальше от старого, где ягель еще не вытоптан олешками, – объяснил тот и выжидательно посмотрел на Афанасия, как бы спрашивая: все ли правильно сказал?

Тот утверждающе кивнул головой, и лицо толмача расплылось благодарной улыбкой.

– Вот дела… Это, мужики, не то, что у нас, понимаешь, на Руси. Коли что оставишь даже на самое недолгое время, то потом ищи-свищи…

– А ты как думал, Серафим? Правда, и людишек-то здесь будет поменее, чем у нас.

Казаки согласно закивали головами.

– А вот скажи-ка мне, Ябко, откуда это у твоих соплеменников набралось столько зимних вещей, что хватило на целых шесть нарт, да еще к тому же и грузовых?

Тот непонимающе посмотрел на него:

– Так ведь только одних олешковых шкур, которыми зимой покрывают чумы в два слоя, сколько будет.

Казаки рассмеялись.

– Ну что, утешил свое любопытство, Емельянушка? – усмехнулся Поликарп.

– Да ну вас… – обиженно махнул тот рукой. – Как будто бы вы все знали, что чумы зимой покрываются шкурами в два слоя…

– А где это ты, Ябко, научился так хорошо говорить-то по-нашему? – поинтересовался Игнат.

– В съезжей избе, при которой я и нахожусь уже несколько лет, – с готовностью пояснил тот. – И когда русские отправляются по стойбищам собирать ясак, то меня приставляют к ним толмачом.

– Стало быть, ты должен непременно знать Макара, писца съезжей избы? – спросил Афанасий.

– А как же, начальник! – воскликнул Ябко так, как будто был убежден в том, что все без исключения люди, проживающие в Мангазее хотя бы даже временно, непременно должны были бы знать этого человека. – Очень хороший человек! Ведь он-то как раз и учил меня говорить по-русски.

«Теперь-то ясно, каким это образом Ябко попал в наш отряд», – усмехнулся про себя Афанасий.

– А ты, Серафим, что это рот-то разинул, слушая толмача?! Раз назначен кашеваром, то насыпай ушицу по мискам! Да не забудь и мясца осетрового подкладывать, а не только одной жижи. Ты же, Ерофей, разноси их добрым мóлодцам, которые уж давно, как вижу, слюнки глотают только лишь от одного ее запаха.

Казаки дружно заулыбались.

– Сей минут, Игнат! – засуетился Серафим. – И мясца рыбьего, не сумлевайся, тоже не забуду подкинуть.

– Да, хороша ушица! Так бы ел ее и ел, не переставая… Молодцы все-таки стрельцы – порадовали осетринкой православное воинство! Не зря, стало быть, взяли их в отряд.

– А ты что, Егорушка, никак собирался облагать ясаком самоедов лишь десятком казаков? – усмехнулся Степан.

Однако тот, ничуть не обидевшись, пояснил:

– Да нет, конечно. Ведь это я сказал к тому, что Савельич очень даже удачно подобрал стрельцов в наш отряд. А ведь тех-то было около сотни, никак не меньше. И теперь мы его стараниями уплетаем эту чудо-ушицу. – Казаки благодарно посмотрели на того. – Но, как говорится, хороша кашка, да мала чашка.

– Не расстраивайся, Егор, – ушицы хватит и на добавку, а то и не на одну, – успокоил того Серафим, деловито помешивая черпаком в котле.

– Дай-то Бог тебе здоровья, Серафимушка, на долгие годы за труды твои праведные!

– И на том спасибо, Егор!

– Сейчас бы, мужики, да под такую закусочку самое время было бы принять чего-нибудь эдакого, – мечтательно произнес один из казаков, подмигнув товарищам.

– Терпи, казак, – атаманом будешь! Ведь теперича заглянуть в шинок сможешь лишь тогда, когда возвернемся в Мангазею, – заметил другой. – А когда это будет, одному Господу Богу известно. Да начальникам нашим, – уточнил он, мельком глянув на Афанасия.

Так, с шутками и прибаутками казаки и ели, а вернее, уплетали знатную ушицу.

«А ушица-то и впрямь ох как хороша, – размышлял Афанасий, разжевывая нежную осетрину и запивая ее наваристым бульоном. – Придется-таки задержаться здесь, у этой речушки, делая рыбный запас, даже и в том случае, ежели больше и не попадется в сети эта чудо-рыба. Ведь и сиг-то тоже хорош, чего уж душой кривить. Тем более что на стоянке в устье Худосея, которую я планирую сделать, нашими сетями эту широкую, по словам того же Тимофея, реку уже не перекроешь. Так что будем ставить шатры, – уже твердо решил он и в который раз удивился: – Ну кто бы это мог только подумать, что в этой «переплюйке», по выражению одного из казаков, можно изловить такое чудо… В общем, все как в той пословице: мал золотник, да дорог, – улыбнулся он своим мыслям.

Запил ушицу крепким сладким чаем. «Не пожалел, стало быть, Серафим, сахарку для своего начальника, – усмехнулся Афанасий. – А теперь, пожалуй, можно, и отдохнуть после трудов праведных».

– Ипполит, ты уж как хочешь, а обеспечь мужикам защиту от гнуса. Лапника не жалей!

– Само собой, Савельич! Не волнуйся – все будет в наилучшем виде! – заверил его костровой.

– Всем отдыхать! – распорядился он и пошел к дощанику взять какую-нибудь подстилку: лето летом, а земля-то еще ох, как холодна, не дай Бог, простелит поясницу.

* * *

Когда же после отдыха подошло время проверить поставленные сети, на берегу возле них собрался весь отряд.

– Дай Бог, еще одну осетровую рыбину споймаем! – высказал общую надежду один.

– То-то была бы удача! – вторил тому другой.

– Не каркайте под руку! Ишь, губы-то раскатали! – осадил их третий.

А когда вытащили одну сеть, то в ней оказались два серебристых сига и стерлядка длиной в локоть[42].

– Тащи другую, служивые! – раздались нетерпеливые голоса.

– Спешка нужна при ловле блох. Али не ведаете, православные? – степенно ответил стрелец, бывший у рыбаков за старшего.

– Да не томи-то душу, Спиридон! – взмолились стрельцы.

– Не мешкай – тяни и вторую! – поддержали тех казаки.

И когда рыбаки потянули ее, перебирая веревку руками, то вдруг напряглись.

– Никак еще одна такая же рыбина! – задорно воскликнул один из них, налегая на веревку.

– Тяни, тяни, паря! – подбадривали его из толпы.

И после очередного рывка рыбаков на берегу забился огромный, почти в сажень длиной таймень в окружении еще двух сигов и чебака[43].

– Ну и здоров же, мужики! Никак, однако, не менее пяти пудов будет! – удовлетворенно заметил Спиридон, вытирая пот со лба.

---

[42] Локоть – русская мера длины, равная приблизительно 0,5 м.

[43] Чебак – то же, что лещ.

Стрелецкий десятник удовлетворенно посмотрел на Афанасия:

– Ну вот, Савельич, ожидали увидеть очередное чудо-юдо, а вытащили вон какого борова! Стало быть, опять повезло.

– Это так, Семен! Рыбалка действительно удалась. А посему распорядись ставить шатры. Будем здесь делать рыбный запас.

Чертеж

– А теперь, Тимофей, – обратился Афанасий к проводнику, – пока мужики будут ставить шатры, продолжим, пожалуй, делать чертеж Таза-реки по свежим, так сказать, следам. Ты-то не против?

– Ты что, Савельич, в своем ли уме, коль спрашиваешь меня об этом?! – чуть было не обиделся тот. – Ведь по этому чертежу нашему пойдут еще многие русские люди и не единожды скажут нам с тобой большое за него спасибо. Да ведь разве кто-нибудь или что-нибудь сможет удержать их от дальнейшего похода на восток, уже за Турухан и далее, к самому Восточному морю?!

Афанасий благодарно пожал руку своему верному спутнику. А мысленно поблагодарил воеводу Жеребцова за столь дорогой для него подарок в лице проводника.

– В шатре будет, пожалуй, темновато, а ежели откинуть полог для света, то комарье загрызет, – рассуждал он. – Так что давай-ка устроимся лучше у костра. Согласен, Тимофей?

– А то нет?!

– Тогда захвати в дощанике обрезок доски с чертежом и прочие письменные причиндалы.

– Я мигом, Савельич! – с готовностью воскликнул тот, предвкушая работу по составлению чертежа, пусть и кропотливую, но зато такую интересную.

«Повезло же мне с начальником, – подумал он, поспешая к дощанику, – умнейший мужик, да и грамоте-то как обучен!»

Они склонились над чертежом, приколотым к доске, лежащей на дне перевернутого ведра.

– Сколько же мы, Тимофей, по-твоему, проплыли после предыдущей остановки?

– Думаю, верст пять… А может, и шесть…

Афанасий достал из кармана часы, и проводник – в который уж раз! – с восхищением глянул на них.

– Судя по часам, мы плыли вдоль берега почти четыре часа, правда, с небольшими остановками для передыха. Так что получается, как ни крути, все восемь верст будет.

– Не может быть!

– Очень даже может быть, Тимофей.

Тот задумался.

– Против твоей «игрушки», Савельич, не попрешь. Стало быть, пригодился тебе воеводский подарок? – улыбнулся он.

– Вот как раз для этого он мне и подарил часы. Сказал, мол, пригодятся в походе, когда чертеж всего пути делать будешь. Умнейший мужик, должен тебе сказать…

Тимофей рассмеялся:

– Чай, дурака на Тобольск-то не посадят…

Афанасий скептически посмотрел на него:

– Всякое бывает…

– Так, стало быть, это он, тобольский губернатор, – уточнил проводник, – повелел тебе составлять чертеж всего пути, который пройдет отряд? – не унимался дотошный Тимофей.

– А кто же еще? – как о само собой разумеющемся, ответил вопросом на вопрос Афанасий.

Тот ненадолго задумался.

– Опять же, стало быть, это тобольский воевода назначил тебя начальником нашего отряда, а не мангазейский?

– Конечно, тобольский, Фома неверующий, – усмехнулся Афанасий непонятной для него пытливости Тимофея. – Ну да ладно. Поболтали, и будет. Давай-ка работать. Итак, восемь верст. И берег все это время был почти прямым. Ведь так?

– Так, – подтвердил тот. – За исключением лишь небольшой заводи перед мыском почти посередине этого пути.

Афанасий согласно кивнул головой и, обмакнув гусиное перо в плошку с чернилами, вывел на чертеже почти прямую линию с небольшим изгибом, продолжив предыдущую. Затем нанес и противоположный берег реки и, отстранившись, посмотрел на чертеж.

– Вроде бы как и ничего…

– Лепота! – уточнил Тимофей. – Головастый ты все-таки мужик, Савельич!

Тот усмехнулся и провел от конца только что проведенной линии еще одну тонкую извилистую, перпендикулярную берегу.

– Никак это та самая речушка, вдоль которой мы с тобой ходили? – догадался Тимофей.

– Она самая… А вот как мы ее назовем? У тебя есть какие-нибудь соображения?

Тот неопределенно пожал плечами и заметил, что мужики, вроде как называли ее «переплюйкой».

– Ясно, – усмехнулся Афанасий. – Верно по сути, но никак не подходит для этого случая, – и призадумался. – В таком случае давай-ка назовем ее Осетровой! Каково?

– Замечательно, Савельич! Лучше и не придумаешь! Ведь именно в ней мы и изловили огромного осетра.

И тот аккуратно надписал над этой тонкой извилистой линией ее название.

Тут к ним подошел стрелецкий десятник.

– Не помешаю, Савельич?

Тот поднял голову:

– Уже нет.

Десятник с видимым интересом покосился на чертеж, однако сказал совсем о другом:

– Я хотел бы обсудить с тобой один вопрос. – Афанасий согласно кивнул головой. – Дело в том, что рыбы, как мы уже убедились, будет довольно много, а солнце-то так и не заходит круглые сутки. Как бы, часом, она не попортилась. А посему думаю из оставшихся сетей сделать что-то вроде заводи и опускать в нее пойманную рыбу. А вода-то в речушке вон какая холоднющая! И даже уснувшая рыба в ней никак не испортится.

– Дельное предложение, Семен! Так, пожалуй, и делай. Только смотри, чтобы пойманная рыба из той заводи ненароком не умыкнула. – Тот снисходительно улыбнулся. – Вот тогда-то, уверяю тебя, будет уже совсем не до смеха.

– Как можно, Савельич! – чуть было не обиделся тот. – Уверяю тебя, что даже самый малый подлещик или какой там окушок не уйдет из этой заводи!

– Не обижайся, Семен! Это я так, к слову. А у меня ведь тоже есть предложение. – Тот вопросительно посмотрел на него. – Как я убедился, среди твоих стрельцов есть умельцы, понимающие толк в рыбе.

– Это само собой! – расплылся в улыбке десятник.

– Тогда разузнай у них, можно ли уже сейчас, на стоянке, начать вялить рыбу? Ведь нам нужно еще добраться с ее немалым запасом до Худосея. А вот уже там мы могли бы и довялить ее за время стоянки на нем.

– Интересная мысль, Савельич! Обязательно все подробно разузнаю и тут же доложу тебе.

Видя, что Афанасий уже не занят чертежом, к ним приблизились казаки, за которыми потянулись и стрельцы. Все с интересом посматривали на чертеж, лежавший на перевернутом ведре, – столь дивную и невиданную для них вещицу.

– А что это там такое написано, дядя Игнат? – тихонько спросил Ивашка, любопытствуя.

– Река Осетровая, – прочел тот.

– Неужто вот эта самая речушка, у берега которой мы сейчас стоим, тут и обозначена? – восхитился казачок, завороженно глядя на чертеж.

– Она самая, Ивашка, – пояснил Афанасий, видя его неподдельный интерес. – А почему это ты догадался, что именно эта речушка означена вот здесь, на чертеже? – хитровато улыбнулся он.

– Так чего же проще, дядя Савельич, – удивился тот, – коли мы именно в ней и споймали этого самого большущего осетра?

Окружавшие их казаки и стрельцы заулыбались смекалке казачка.

– Правильно мыслишь, казак. – Лицо того засветилось радостью. Еще бы было не радоваться! Ведь сам начальник отряда признал в нем казака, да еще и при всем честном народе! – А вот грамоте ты, как вижу, не обучен, – вздохнул Афанасий.

– Да когда же, дядя Савельич, было ей обучаться, ежели я с малолетства гусей пас, а потом, как говорил тятя, быкам хвосты крутил. А как только он сгинул в очередном походе, – тяжко вздохнул казачок, – меня как сироту на кругу[44] и определили в казачье войско.

Афанасий ласково погладил его по голове, бывшей еще без чуба, положенного казаку.

– В отряде есть еще не знающие грамоты? – спросил он.

Поднялось несколько рук.

– Тогда сделаем так. Когда обустроим на Турухане зимовье, – окружающие многозначительно переглянулись, – то я буду лично заниматься с вами грамотой. Полярная ночь длинная, а запас свечей у нас, слава Богу, предостаточный. Да и бумага писчая с гусиными перьями сыщется.

– И я, дядя Савельич, смогу тогда читать? – завороженно глядя на него, спросил Ивашка.

– И писать тоже. – Тот преданно прижался к его плечу. – А теперь, – обратился Афанасий к служивым, – ежели есть желание, могу объяснить вам, что это к чему на этом чертеже значится.

[44] Круг – общий войсковой совет казаков, высший орган самоуправления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.